

ДЕВЯТАЯ ДОЧЬ ВЕЛИКОГО РИШИ

Анастасия Медведева

Сказания о магии Поднебесной

Анастасия Медведева

Девятая дочь великого Риши

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Медведева А. П.

Девятая дочь великого Риши / А. П. Медведева — «Издательство АСТ», 2023 — (Сказания о магии Поднебесной)

ISBN 978-5-17-155319-7

Много лет жизнь Аи была похожа на сказку: в окружении любящих сестер и под надзором матери она не знала ни печалей, ни забот. Но все разбилось в миг, когда в Аи пробудилась древняя сила. Теперь она – враг почти для всей семьи. Единственная надежда – отец, советник владыки Е Цзяна, с которым младшая дочь даже не знакома. Ей предстоит добраться до столицы и добиться встречи с великим Риши. Путь это неблизкий и непростой, а помочь Аи способен только Чэн, молчаливый страж, что охранял ее жизнь с самого детства.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155319-7

© Медведева А. П., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1. Пора просыпаться	6
Глава 2. Время задуматься	15
Глава 3. Время понять, что как прежде уже не будет	19
Глава 4. Время выбираться из города	22
Глава 5. Время идти лесными тропами	25
Глава 6. Время почувствовать силу внутри	30
Глава 7. Время столкнуться с тем, что ты еще не в силах осознать	35
Глава 8. Время разобраться во всем... Или хотя бы попытаться	39
Глава 9. Время проявить недовольство	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анастасия Павловна Медведева

Девятая дочь великого Риши

© А. Медведева, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1. Пора просыпаться

– Кириса! Пора просыпаться!

Нехотя открываю глаза и несколько секунд просто лежу, игнорируя хлопоты служанки.

– Кириса! Сегодня важный день! Нужно все успеть! – кричит та издали и вдруг резко стягивает с меня одеяло. – Быстро умываться!

Первое мое желание – начать капризничать и жаловаться на свою судьбу, но я тут же вспоминаю обо всех планах на свое шестнадцатилетие и вскакиваю на ноги.

– Сейчас вернусь! – радостно обещаю я и бегу умываться.

Вернувшись, привычно сажусь на постель и отдаю себя в руки мастера.

– Как хорошо нынче волосы кудри подхватили от косы... – расплетая тугую култышку на моей макушке, бормочет служанка. – Осталось только подчесать – и лица совсем не видно будет! Настоящая грива!

Болтаю ногами, свесив их с кровати, и кошусь на приоткрытую дверь.

Он, разумеется, там. Как всегда. Мой страж. Или лучше сказать: мой надзиратель?

Смотрит своим злющим взглядом из-под капюшона. Понятия не имею, какое у него лицо, но я уверена – глаза страшные. Прямо чувствую каждой клеточкой тела, как он меня ненавидит! И этот его меч, вечно вытасненный из ножен для устрашения всех вокруг...

– Ай! – вырывается у меня, когда служанка, переусердствовав с расческой, едва не выдирает клок волос.

– Почти закончили, кириса, – почтительно отзывается та, чуть поумерив пыл.

– Больно!

– Вы же хотите доставить радость своим сестрам? – мягко напоминает служанка и достает из шкатулочки кусочек угля.

– Может, сегодня не надо?..

Я так давно не видела своего настоящего отражения в зеркалах...

Из моих покоев все убраны.

– Надо, моя хорошая, – поджимает губы прислужница, – это радует ваших сестер.

Послушно закрываю глаза и позволяю пачкать свое лицо. Я – девятая дочь великого Риши, мудреца и советника самого правителя Поднебесных Земель. Я должна быть такой, какой меня хотят видеть мои любимые сестры, ведь, кроме них, у меня никого нет. Мать живет в отдельном дворце и вся погружена в какие-то сложные игры, о которых мне не рассказывают. Не рассказывают даже, что за игры такие. И почему она играет в них, но не играет со мной...

Отца я вообще никогда не видела: он не покидает дворца правителя. Здесь, в летнем дворце рода Риши, я живу все свои пятнадцать – а с этого дня уже все шестнадцать – лет вместе со своими сестрами.

Нас называют кирисами. Это вежливое обращение к дочерям великого Риши. Его сыновей называют кюри. Из них выберут следующего Риши, когда отец умрет. А дочерей отдадут замуж за знатных дворян, и это почему-то очень волнует моих сестер... как и должность Святой при дворе. Но со мной они своими переживаниями не делятся, что меня иногда задевает.

– Закатаем одну штанину... – продолжает хлопотать надо мной служанка, а затем отходит на несколько шагов назад и кланяется. – Кириса, мы закончили.

– Я могу идти к сестрам?! – радуюсь я.

– Можете, кириса, – не разгибаясь, отвечает она.

И я срываюсь с места! Мчусь через проходы и коридоры с бумажными стенами, смеясь от тихой ругани моего стража, едва поспевающего следом. Чуть ли не кубарем вкатываюсь в гостиную, где уже сидят на подушках мои сестры, и влетаю к ним в объятия.

– Милый звереныш... – мягко улыбается Фуа, моя самая любимая сестрица, погладив меня по волосам.

– Фуа! – Бросаюсь к ней на шею и трусь лбом.

– Дэй'Фуа, сестра! – поправляет меня строгая Руи. – Обращайся к ней как подобает! И не испачкай ее своей грязью!

– Брось, Руи, – с добротой в глазах глядя на меня, отзывается Фуа, – мы же дома. Она может позволить себе неофициальное обращение.

– Она и так много себе позволяет. Привыкнет называть нас упрощенным именем и вообще никогда не сможет выбраться из летнего дворца! – фыркает Руи.

– Я и не хочу никуда выбираться! – обняв Фуа за талию, весело отзываюсь я.

– Ну, когда-нибудь это надо будет сделать, – мягко произносит Фуа, а я поджимаю губы и прячу лицо в складках ее одежды.

Когда я выбралась из дворца в прошлый раз, все закончилось катастрофой. Я не хочу повторения.

– Дэй'Аи, – формально обращается ко мне старшая сестра, поднимаясь на ноги, – сегодня твой день рождения. Поэтому ты имеешь право на некоторые вольности... Мы надеемся, ты не будешь делать то, чего от тебя не ждут.

– Я не буду выбираться за пределы летней резиденции, старшая сестра, – произношу поникшим голосом, – я даю тебе слово.

Не понимаю, почему они мне не верят! Я не смертница! И не выйду туда, где меня все ненавидят!

– Ну-ну-ну! Зачем ты так давишь на нее, Суа? – Фуа вновь притягивает меня к себе и вынуждает поднять лицо. – Сегодня ты стала на год старше. Что ты хочешь получить в подарок от своих сестер?

Крепко задумываюсь.

– Мои волосы такие непослушные, – сцепив ладони между собой, произношу в итоге, – может, дорогие сестры подарят мне какую-нибудь заколку?

Ходить с тем хаосом, что начесывают мне каждый день, довольно сложно. Зачастую я вообще ничего не вижу из-за волос... А их прически так изящны! Налюбоваться не могу на эту красоту!

Заливистый смех вынуждает меня поднять голову и посмотреть на Фуа. Она крепко обнимает меня:

– Милый звереныш! Конечно, мы подарим тебе заколку! Самую красивую! Почему ты раньше не говорила, что хочешь прибрать волосы?

Растерянная, перевожу взгляд с одной сестры на другую и в итоге выдавливаю улыбку:

– Не догадалась...

– Святой дух, и как превратить это дитя в нормальную девушку? – качает головой Руи и первой выходит из гостиной.

– Ты пойдешь на могилы? – уточняет у меня Суа, следуя за Руи.

– Конечно! Давно там не была!

Старшая сестра лишь качает головой и уходит в сопровождении остальных.

– Фуа? – замечаю я любимую сестрицу, разворачиваясь к другому выходу.

– Ты пойдешь туда после обеда? – негромко спрашивает она, глянув в ту сторону, куда ушли сестры.

– Да.

Мои любимые няни ждут моего прихода, я в этом уверена. Поэтому обязательно привячу с собой что-нибудь вкусное!

– Прежде чем идти, зайди ко мне – я хочу подарить тебе подарок отдельно от остальных.

– Еще одну заколку?! – радостно вскрикиваю я.

– Все-то ты хочешь узнать! – Фуа треплет меня по голове и идет к выходу. – Буду ждать тебя в своих покоях.

– Я приду!

Смиренный вид Фуа, как и доброта в ее взгляде, всегда восхищал меня. Жаль, что я не могу подражать ей! Я должна поступать так, как хотят мои сестры. Никогда в истории ни у одного Риши не рождалось столько дочерей! И я должна быть счастлива, что не одинока здесь, в летнем дворце, в окружении родных людей... Даже представить страшно, что было бы со мной, родись я одна у своих отца и матери.

Наверное, я разговаривала бы только со служанкой...

Ловлю на себе взгляд стража, приставленного ко мне после пятого покушения, и резко срываюсь обратно в свои покои. Не хочу, чтобы он видел грусть на моем лице!

Хохоча, вваливаюсь в комнату за спальней и буквально падаю на колени перед низким столиком со свечкой.

– Быстро они вас нынче, – странно отзывается служанка, тут же придвигая ко мне книги. Жму плечами и начинаю делать задание.

– Передам Чэну, чтоб никого не впускал, – добавляет она и выходит из комнатки, плотно прикрывая дверь.

Чэн – имя моего стража, но я никогда не обращаюсь к нему напрямую. Стараюсь вообще не замечать его.

Никто не должен знать, что я обучаюсь письму и чтению. Это было последним наставлением доброй Лули перед тем, как ее глаза навсегда закрылись.

Я приду к ней сегодня и отчитаюсь о том, что узнала за те несколько лет, что живу без нее. Расскажу ей, и что моя новая, на этот раз безымянная, служанка согласилась принести мне книги по завету покойной. К чему такая секретность, я не понимала, но любила Лули всем сердцем, потому передала ее предсмертное желание своей новой служанке, а та решила следовать плану старой няни.

Так и начала я потихоньку учиться. Втайне от сестер. Втайне ото всех...

И сейчас у меня есть пара часов покорпеть над учебниками, а потом уже и на обед пора будет! Завтрак я традиционно пропускаю из-за сбитого режима. И засыпаю позже всех. Сестры сетуют на мои ночные бдения, но я вижу, что в глубине души их все устраивает. А ворчат они чисто ради приличия. Я вообще научилась замечать, когда они действительно недовольны, а когда притворяются.

Поэтому жить мне стало намного легче: я просто делаю то, что им нравится.

– Кириса, обед, – напоминает служанка через пару часов, и я поднимаюсь, начиная растирать отсиженные ноги.

За столом слушаю пожелания прислуги, чинно подносящей мне все новые и новые блюда. Затем слушаю наставления сестер. Ничего нового, но я киваю с серьезным видом, вынуждая их то и дело тихо прыскать в ладошки. Люблю их веселить.

После обеда собираю самое вкусное в короб для еды, оформленный под вместительную шкатулку, и иду к Фуа за своим подарком. Подарок сестер уже красуется у меня на голове, позволяя видеть все, что находится перед глазами.

Эту заколку с разноцветными камнями вдела мне в волосы сама Руи, поэтому я уверена, что выгляжу прекрасно!

Смешки прислуги немного настораживают, но я списываю это на грязь, которую служанка старательно втерла мне в лицо. Теперь эта грязь видна всем... и, возможно, веселит не только моих сестер. Ну ничего! Это даже к лучшему!

Я несю всем хорошее настроение!

– Фуа? – Постучав, я вхожу в покои и ловлю на себе строгий взгляд личной служанки любимой сестры.

– Аи, входи, – мягко произносит сестрица, стоя рядом со столом, полным резных шкапулок и пудрениц.

– Люблю твою комнату. Она такая... как ты...

Скромно улынувшись, я кладу свой короб на пол. А затем убираю руки за спину, словно боюсь что-то запачкать. Я всегда начинаю стесняться, когда захожу к Фуа.

– Я хочу подарить тебе вещицу, которая досталась мне от отца. – Сестра достает из шкапулки подвеску: простую, в форме капельки, с голубым камушком в центре.

– Зачем тебе дарить мне такую ценность? – напряженно спрашиваю, разглядывая это сокровище.

– Когда я родилась, родители были уверены, что я стану Святой рода. И что я буду последней дочерью. Но потом появились Мая, Коя, Аос, Руи, Ули и ты. – Фуа улыбается нежной улыбкой и застегивает подвеску на моей шее. – Я рада, что у меня так много сестер. Но я уже совершенно точно не последняя. А вот ты – да...

– Мать уже не в том возрасте, чтобы зачать.

– Это так. Поэтому я хочу, чтобы ты носила эту подвеску.

– Но разве это не дар от великого Риши, говорящий об ожидании?..

Этим подарком отец дал понять, что ждет, когда у Фуа проснутся духовные силы, так и не проснувшиеся у старших. И я знаю, что у моей любимой сестры они есть, пусть и не проявлены очевидно.

А если дар проснулся-таки, она действительно может стать Святой при правителе!

– Помнишь ту птичку? – совсем тихо спрашивает Фуа.

Опускаю голову и молчу.

Я помню то милое создание, что прилетело к нам умирать. Тогда я впервые увидела боль в глазах живого существа.

– Я не уверена, что именно я дала ей жизненные силы... – едва слышно признается Фуа.

– Кириса, вам пора! – неожиданно резко подает голос служанка, а затем недовольно смотрит на меня. – Разве не понимаешь, что отвлекаешь ее?!

Отступаю на шаг.

– Я...

– О чем ты говоришь? Я сама позвала ее, – мягко останавливает свою заступницу Фуа и нежно треплет меня по волосам. – Иди, милый звереныш. Твои няни ждут тебя.

Киваю и выбегаю из ее покоев, едва не столкнувшись со своим стражем. Короб с едой прижимаю к груди и стараюсь смотреть вперед не замутненным слезами взглядом.

Я знаю, что прислуга не любит меня. И догадываюсь за что.

Но лучше не думать об этом.

Добежав до самого края внутреннего двора своего личного дворцового крыла, я останавливаюсь и осторожно опускаю короб на землю.

Здесь, в тени высокой изгороди, отделяющей летний дворец от улицы, и невысокого забора, отделяющего мое крыло от крыла старшей сестрицы, расположены два захоронения: моей доброй Лули и Жунг – няни, что была до нее. Моя первая няня погибла от заражения крови после того, как ее отхлестали розгами. Это было наказание за то, что она не уследила за мной и позволила убежать за пределы дворца. Я корила себя за ее смерть. Потому что она могла бы выжить, не попроси я ее, наказанную и с окровавленной спиной, сидеть подле меня, когда все меня оставили... Мне было восемь лет. И я была страшно напугана. Я просто не могла предугадать, какой будет реакция на мою безобидную вылазку! А там, за пределами дворца, было так интересно! Столько людей вокруг, и все мне умилялись, называя милым созданием! И даже посланницей небес, когда я по глупости начала представляться всем подряд девятой дочерью великого Риши! Как были недовольны сестры, даже вспоминать не хочется... На несколько дней меня заперли в покоях, оставив без еды и воды. На второй день няня Жунг

не проснулась, и я еще несколько часов смотрела на ее остывающее тело подле моей кровати. Потом ее унесли. Затем произошло первое покушение на мою жизнь... После него мне долго объясняли, как я была неправа, когда вышла к людям. И что все за стенами дворца меня возненавидели сразу, только увидев! Что они лгали, когда улыбались мне в лицо. Что они хотят моей смерти. И что теперь на моей совести не только смерть няни, но и смерть служанки, принявшей удар на себя. Я была настолько запугана, что даже почти не запомнила поездку в материнский дворец. Помню, шла как в тумане, среди вельмож, к постаменту, где стояло кресло жены великого Риши... Помню, что она лишь отвела от меня разочарованный взгляд, так ничего и не сказав... Помню, как вельможи шептались за моей спиной по пути обратно, что я вовсе не так хороша, как меня описывали. Тогда-то из моих покоев и убрали все зеркала. Я стала бояться своего отражения, потому что перестала узнавать саму себя... Темные круги под глазами, бледная кожа с синими венами, обескровленный рот и обильно выпадающие волосы.

Я пугала саму себя и всех вокруг.

В то время появилась Лули. Она научила меня принимать обстоятельства. «Если не можешь ничего изменить, – говорила она, – измени свое отношение к происходящему». Она начала выводить меня к сестрам – потихоньку, не спеша; прививала мне привычку здороваться со всеми во дворце, даже если со мной никто не здоровался. Она сделала меня добрым и приятным ребенком. Мой вид больше никого не пугал, да и волосы выпадали все реже, а затем и вовсе перестали. Казалось, я вернулась к себе прежней! Но сестры все равно не спешили принимать меня. И спокойной жизни не довелось узнать... Служанки вокруг меня продолжали умирать.

Тогда Лули придумала игру.

«Как думаешь, что может обрадовать их или развеселить?»

Помню, как она спросила меня об этом, а потом начесала мои длинные волосы, измазала лицо кусочком уголька и предложила пойти напугать старших. Я подчинилась. Криков тогда было много. Ругани тоже. Меня отчитывали так долго, что я успела трижды расплакаться. Но неожиданно заметила, что после первой бурной реакции взгляды сестер изменились, стали задумчивыми. Они сами предложили мне напугать их еще раз... Потом – еще. Это превратилось в ежедневную игру. А потом я привыкла, что мое утро начинается не с прихорашивания у зеркала, как раньше, а напротив... с превращения в любимого всеми зверька.

Няня Лули все сильнее грустила, глядя на меня, но постоянно повторяла: «Зато все живы и здоровы».

Покушений становилось все меньше.

Когда ко мне приставили Чэна, они вовсе прекратились. И я поняла, что за стеной обо мне забыли.

Страж сразу невзлюбил меня: первое время он даже не мог на меня смотреть. Поэтому мы с Лули решили не обращать на него внимания.

Старушка няня говорила мне, что его, скорее всего, заставили следить за мной, понизив таким образом в должности, – оттого он и злится. Но я, будучи ребенком, не понимала такого абсолютно незаслуженного отношения к себе. И все чаще делала вид, что стража у меня вообще нет.

Потом была поездка к матери перед моим тринадцатилетием... День, который я никогда не забуду.

Потому что Лули отравили.

Она имела привычку проверять мою еду перед тем, как я ее попробую. И умерла за завтраком, залит пеной изо рта пол вокруг.

* * *

– Я помню, как ты хотела сделать меня красавицей для поездки во дворец матери. – Мягко улыбаясь, кладу ладонь на землю, под которой покоится тело моей няни. – Помню, как чесала мои волосы, отмывая их от грязи... Помню, как принесла белила, чтобы сделать светлой мою кожу... Кому ты помешала, любимая?

Прикрыв глаза, я тихо плачу. Затем достаю из короба еду и раскладываю ее на небольшом столике рядом. Обе мои нянечки живут глубоко в моем сердце. Никогда не пожалею, что попросила похоронить обеих на территории своего крыла – чтобы я всегда могла посещать их, когда мне становится грустно. Сестры не противились, хотя и были обескуражены желанием иметь двух покойниц под боком.

Завязываю верхнюю юбку над шароварами в узел, чтобы не волочилась по земле, и начинаю полоть сорняки. Этим летом обязательно посажу здесь много цветов! Я даже присмотрела пару вариантов в личном саду старшей сестры Суа. Выкрасть бы пару побегов, пока та спит...

Неожиданно замечаю, что верхний слой земли явно был раскопан и снова засыпан. Нахмурившись, поднимаю этот пласт с травой и корнями и с удивлением нахожу небольшую деревянную табличку. Плоскую и с какими-то нечитаемыми письменами. Рассматриваю внимательно, но так и не нахожу ответа на вопрос, что это.

В итоге, осмотревшись по сторонам, перекидываю ее через забор – прямо в угол владений старшей сестрицы Ули. Она больше всех демонстрирует неприязнь ко мне и старается вообще не заговаривать, если есть такая возможность. Вот пусть и разбирается с этой дощечкой! Хотя, думаю, сестрица ни разу не ходила так далеко от своего крыла по саду и вряд ли вообще обнаружит находку...

Озираясь вновь, ловлю на себе взгляд Чэна и показываю ему язык. А затем возвращаю все свое внимание к могилам.

Он не выдаст меня, я это знаю. Как бы он меня ни ненавидел, себе не изменит, а главное качество моего стража – молчаливость.

По-моему, никто и никогда не слышал его голоса.

И не видел его лица.

Он ходит с низко опущенным капюшоном столько, сколько я себя помню. Его выдают только черный плащ и рукоять диковинного меча, который отправляется в ножны разве что поздней ночью, когда воин спит. По этой рукояти Чэна и можно узнать среди сотни мужчин в подобных плащах: оружие у него особенное. Меч даже на вид тяжелый. Кажется, двуручный. Больше я ни у кого такого не замечала, хотя несколько раз бывала во дворце матери и видела других военных...

Но что я все о нем думаю? Ведь я пришла навестить своих нянечек. Закончив с землей, быстро перекусываю в память о них и, усталая, ложусь как есть на траву рядом. До ужина еще пара часов – у меня есть время просто полежать вдали от суеты и необходимости все время притворяться...

Когда просыпаюсь, начинает смеркаться. Вокруг всюду стрекочут цикады; горят огни летнего дворца. Но просыпаюсь я не от этих звуков и не от этого света.

Меня будит крик. Где-то совсем близко. И шипение. Странное какое-то, хриплое. Приподнимаюсь на локтях, смотрю по сторонам: в моем крыле все спокойно. Выходит, кричат в соседнем. Поднимаюсь, и, не найдя Чэна взглядом, решаю выяснить сама, что там происходит.

Не удивлена, что его нет рядом, когда действительно нужен.

Крик переходит в отрывистый плач. Слышны и другие голоса. Иду к забору, отделяющему мое крыло от крыла сестры Ули. Подтягиваюсь на руках, заглядываю на ту сторону... и застываю.

Служанка, до этого кричавшая, а теперь ревушая навзрыд, стоит, прижавшись к тонкому деревцу, и со страхом смотрит на что-то внизу, под забором. Опускаю голову и едва успеваю прикрыть нос ладонью, защищаясь от жуткого смрада.

Полуразвалившийся труп кошки – бывшей питомицы Ули, умершей несколько месяцев назад, – стоит на четырех лапах на свежевзрытой земле и шипит, глядя на служанку пустыми провалами глаз.

– Умертвие?.. – удивленно спрашиваю непонятно у кого, а затем замечаю других служанок, толпящихся у стены строения и не решающихся подойти ближе.

Среди них и Ули, смотрящая на свою мертвую кошку огромными от ужаса глазами.

Тем временем труп выгибает спину, явно показывая, что собирается нападать, и вновь шипит.

– Сделайте что-нибудь! – умоляет Ули, растерянно глядя на своих слуг, но те боятся подойти к мертвому тельцу, неожиданно получившему возможность вернуться в этот мир.

Кошка вдруг резко припадает на лапы, делает рывок и... валится на землю с перерубленной шеей. На этот раз шума еще больше – и теперь визжат все, даже те служанки, что толком ничего и не видели. А я сижу на заборе и во все глаза смотрю на Чэна, успевшего перемахнуть через ограду и отрубить умертвию голову.

Не спеша, страж осмотрел труп кошки, затем перешел к свежерытой земле, откуда та, очевидно, появилась...

Я и не знала, что Ули захоронила свою любимицу здесь, так близко к человеческим могилам.

Не успеваю я понять, что думаю по этому поводу, как взгляд привлекает сталь, сверкнувшая в свете огней. Это Чэн острием меча осторожно перевернул деревянную табличку, которую я пару часов назад выбросила из своего крыла в это.

– Табличка с проклятием?! – испуганно спрашивает Ули, сделав несколько шагов вперед. – Но кому понадобилось?..

Интуитивно отстраняюсь и едва не слетаю с забора, в последний момент успев зацепиться руками. Встречаюсь взглядом с Чэном.

– Кириса, идем!

Впервые слышу его голос. Спускаюсь в свое крыло, когда он перепрыгивает через забор.

– Я... я не специально... – выдавливаю, чувствуя, как по щекам текут непрошенные слезы.

Они же не обвинят меня в том, что я специально забросила Ули ту табличку?.. Я же случайно нашла ее...

Неожиданно страж крепко хватается меня за руку, не пуская в покои, куда сам вошел секундой раньше.

– Уходим! – бросает он мне, увлекая к изгороди, отделяющей мое крыло от внешней стороны летнего дворца.

– Но куда? – растерянно спрашиваю я.

А затем замечаю на полу покоев руку своей служанки.

Она упала?

Но почему мы ей не помогаем?!

– Не задавайте вопросов! – чеканит этот голос, такой незнакомый.

Меня толкают в сторону изгороди. Страж ненадолго отлучается обратно в покои, откуда возвращается с моей уличной накидкой.

– Наденьте и прикройте волосы! – приказывает он, и я с перепугу подчиняюсь.

Затем меня подхватывают и, словно какого-то прыткого зверька, перекидывают на спину, вынуждая обнять чужое тело руками и ногами.

За несколько минут он нарушил сотню правил.

– Я не... – пытаюсь воскликнуть, но меня вновь перебивают:

– Держитесь крепко!

Чэн перепрыгивает через изгородь.

Мы на улице! Где столько врагов, желающих убить меня!

Не осознавая этого, начинаю кричать. Бьюсь в истерике, стремясь вернуться, но Чэн быстро спускает меня со спины и прижимает к стене, зажав рот.

– Успокойтесь. Здесь нет опасности. А там есть, – короткими фразами чеканит он, глядя в глаза.

Вот только я его глаз не вижу: мешает капюшон. И сгущающиеся сумерки.

– Они хотят убить меня! И вы тоже хотите убить меня! – заплетающимся языком делюсь своими страхами.

Конечно, я имею в виду всех тех людей за стеной, что подсылали ко мне убийц и травили моих служанок.

Чэна утомляет моя истерика. Взяв меня за плечи, он цедит:

– Как они могут желать вашей смерти, если даже ни разу не видели вас?

– Они... они...

– Позвольте спасти вам жизнь! – на этот раз основательно встряхнув меня, рявкает страж, и я испуганно киваю.

Не знаю, почему соглашаюсь на его помощь. Не понимаю, почему вообще доверяюсь ему. Но здесь, за стеной дворца, он единственный, кого я знаю...

– Отлично. Тогда опустите голову и идите за мной! – отпустив мои плечи, командует Чэн и быстро направляется в сторону узкого переулка.

Мы плушаем по городу около пятнадцати минут, а затем входим в здание вроде тех, которые я видела на картинках в книге с детскими страшилками, – такое оно обшарпанное и грязное. Там Чэн платит, как он выражается, «за ночлег», и мы, скрипя ступенями, поднимаемся на второй этаж. Я вновь впадаю в истерику – на этот раз из-за страха провалиться.

– Здесь есть лохань с водой. Попрошу разогреть для вас, – бегло осмотрев место, которое я даже комнатой-то не могу назвать, произносит Чэн.

– Не уходите! – Подбегаю к нему и хватаю за руку. – Прошу вас! Они могут прийти в любой момент!

– Кто? – неожиданно сухо спрашивает мой страж.

– Люди, которые ненавидят меня! – шепчу я, стараясь не трястись от страха.

– Кириса, вас никто не ненавидит за стеной. О вашем существовании уже вообще не помнят, – пряча взгляд, отвечает Чэн.

– Нет, помнят! Сестры постоянно говорят мне об этом! Они строго-настрого запретили мне покидать дворец!

Вдруг Чэн выходит из себя:

– Ваши сестры устроили на вас очередное покушение в день вашего рождения!

Отскакиваю от него, как от прокаженного:

– Что вы такое говорите?! Сестры любят меня!

– Любят?! Они заставляют вас передвигаться по дворцу едва ли не на четвереньках!

– Это мой выбор! Я сама так захотела! – закрывая уши, кричу я.

– А эти нечесанные волосы, словно солома? А эта сажа на лице? Это тоже было вашим желанием?!

– Им это нравится! Я рада, что могу дарить им улыбки!

– Вы себя-то послушайте! – вновь встряхнув меня, цедит страж. – Разрешили превратить себя в дворцового шута, в дикого зверька на потеху своим дорогим сестрицам и еще их защищаете!

Я по-прежнему закрываю уши, но слышу все, что он говорит.

– Вас казнят! Вы оскорбляете честь кирис! Ваша голова полетит с плеч!

– Не раньше, чем ваши драгоценные сестры убьют вас, когда из-за ваших криков обнаружат нас на этом постоялом дворе! – шипит Чэн.

Он стоит так близко, что я могу отчетливо рассмотреть его подбородок и губы.

– Они никогда не поднимут на меня руку! – бросаю ему в лицо.

– Только руку заказного убийцы! – зло хмыкает мой разговорившийся страж. – Тешьте себя надеждами, что все это большое совпадение: все покушения на вас, все запреты покидать дворец! Если вам хочется быть жертвой – не буду мешать и верну вас обратно завтра утром. А сейчас я хочу поспать: я не спал уже несколько дней, останавливая целую волну покушений на любимого всеми дворцового зверька.

– Зачем вы врете? – Я слышу, как дрожит мой голос. – Все покушения закончились несколько лет назад!

– Ну, вам-то виднее. Вы же знаете своих сестер так хорошо, – недобро усмехается Чэн. – Пора уже проснуться, кириса! – бросает он через плечо и выходит из комнаты.

А меня прорывает.

Скорчившись и прижавшись лбом к коленям, я рыдаю и не могу остановиться. Где-то в глубине души я знала, что все это неправильно, что все это нездорово – мое поведение и реакция на это сестер. Но мы привыкли так жить. И я не видела в этом ничего плохого. Другое дело – обвинения Чэна... Он сказал, что это сестры устраивали покушения. В летнем дворце столько охраны, что мне сложно поверить, будто все те случаи с отравлениями моих служанок провернул кто-то из-за стены. А если метили в меня...

– За что вы так со мной?.. – шепчу, глотая слезы, и так и засыпаю в углу, обессиленная и заплаканная, все еще не осознавшая своего положения до конца...

Глава 2. Время задуматься

Когда просыпаюсь, голова начинает нещадно гудеть: верный признак того, что я плакала ночью. Хватаюсь за нее и издаю что-то среднее между выдохом и стоном...

– Проснулись? Хорошо. Воду вам уже приготовили. Мойтесь, – слышу голос Чэна.

Открываю глаза и смотрю на лохань, стоящую посреди комнаты. От воды идет пар.

– Я... здесь... – растерянно озираюсь, пытаюсь понять, где здесь помещение для водных процедур.

Не предлагает же он мне мыться прямо тут, у него на глазах!

– Ширму тоже принесли, так что не стесняйтесь.

Чэн перегораживает комнату, выделяя мне для купания почти все ее пространство. На деревянной ширме висят полотенце и какая-то не шибко дорогая одежда странного грязного цвета.

Кажется, сестры называли этот цвет серым.

– Мыло тоже нашел, не благодарите, – сухо бросает телохранитель и отходит к окну.

– Зачем мне мыться здесь? Я могу сделать это во дворце... – неуверенно предлагаю я.

– Таки решили вернуться? – хмыкает Чэн. – Ну, что ж, дело ваше. Я доведу вас до дворца – и там мы распрощаемся.

– Распрощаемся?..

Стягиваю с себя шаровары и юбку, все еще связанную на поясе в узел. Не знаю почему, но мне резко захотелось смыть с себя все вчерашние воспоминания.

– Я не хочу стать жертвой дворцовых интриг, – бормочет Чэн, а я стаскиваю верхнюю рубаху.

Хорошо, что вчера на мне было простое одеяние, состоявшее всего из четырех частей. Иначе пришлось бы звать служанку.

Ту, что я вчера нашла лежащей на полу...

Вздвигнув от нехорошего предчувствия, решительно распускаю волосы и погружаюсь в воду. А затем с блаженством ухожу в нее с головой.

Пусть все темные мысли уйдут, сделав голову свежей, а меня готовой к новому дню! Выныриваю и начинаю мыть тело и волосы.

– Это, конечно, ваше дело, – киваю, разумно предоставив стражу возможность выбора, – но мне было бы спокойнее, если бы вы все же остались со мной.

Не буду припоминать ему хулу на сестер: он явно перепугался не меньше меня, поэтому и наговорил лишнего.

Чего скрывать, я даже согласна полностью закрыть на это глаза, оставив случившееся без наказания, – лишь бы он остался рядом!

– Скажите, кириса, вы знаете, что за дощечку вчера выбросили в крыло своей старшей сестры? – вдруг непринужденно спрашивает Чэн, глядя в окно.

– Не знаю. Но Ули назвала ее табличкой с проклятием... – осторожно замечаю я, смывая мыльный раствор с волос.

Если он расскажет кому-нибудь, что это моих рук дело, накажут уже меня. Мы можем здорово друг друга выручить, умолчав о происшествиих последнего дня, и вернуться во дворец!

– Верно, это была дощечка, пропитанная древней магией. Очень злой магией.

Магией люди зовут духовную силу, выпущенную на волю своим носителем.

Но это слово уже давно не в обиходе. Странно, что Чэн использует его.

– Думаю, вы поняли, что за эффект она должна была возыметь в том месте, где вы ее обнаружили.

– Раз пробудилась мертвая кошка Ули... Полагаю, попади дощечка на кладбище – поднялись бы тела захороненных там горожан, – киваю я, понимая, к чему он клонит.

– Так где вы нашли ее, кириса?

– На могиле нянечки, – спокойно отвечаю я, а затем осекаюсь.

Не хочет же он сказать, что...

– Думаете, табличка с проклятием случайно попала на человеческую могилу в вашем крыле как раз в тот день, когда вы собирались посетить захоронения? – интересуется Чэн, по-прежнему разглядывая улицу.

– Они... они хотели напугать меня? – зябко поеживаюсь я.

– Напугать?.. – Он усмехается. – Ну, пусть будет «напугать».

– Не делайте вид, что знаете больше, чем говорите!

Я выскакиваю из воды, со злостью глядя ему в спину, и резко запахиваю на себе полотенце.

– Даже не пытаюсь делать вид. Я открыто это демонстрирую!

В его голосе слышны нотки озорства. Сейчас мне кажется, что он моложе, чем всегда представлялось. И что ему нравится просвещать меня, такую глупую.

– Вы хотите сказать, что кто-то нарочно закопал на могиле Лули табличку, ожидая, будто поднявшееся умертвие убьет меня? Но это нелепость! Никому за пределами дворца не было известно о том, что в моем крыле есть могилы!

Говоря все это, я подхожу к нему и резким движением разворачиваю к себе.

От неожиданного поворота и ветра, подувшего с юга, капюшон слетает с головы стража, открывая молодое лицо. Чуть вьющиеся темные волосы, всколыхнувшись от порыва стихии, ложатся на место, аккуратно обрамляя это лицо и еще больше озадачивая меня... Зеленые глаза чуть расширяются. Он изумлен столь вольным поведением кирисы?..

– Вы моложе, чем я думала! – вырывается у меня.

– На себя посмотрите! – отчего-то отвечает он.

Отступаю на шаг. Зачем мне смотреть на себя? Я знаю, что молода.

...

Неожиданно приходит понимание, что мое лицо – такая же загадка для меня, как и для всех окружающих. Как я выгляжу с прямыми волосами, убранными за плечи, и чистой кожей, не измазанной углем?.. Теперь только Чэн и знает.

Отхожу еще дальше и нахожу глазами жалкое подобие зеркала, потемневшее от времени. Заглядываю в него... и несколько секунд просто стою и смотрю.

Кажется, я довольно милостива. Только глаза сильно испуганные.

Почему сестры предпочитали этого не замечать?..

– Оденьтесь, кириса. Вы можете простыть, – прикрывая занавеской грязную раму окна, произносит Чэн, тактично сделав вид, что не заметил моего «открытия» у стены.

Захожу за ширму и одеваюсь. Одежда простая, поэтому помощь мне не требуется. Но узнает ли меня дворцовая стража?

Морщусь, вспомнив о расческе и уголке в шкатулке. Нет, уродовать себя почему-то больше не хочется. Напротив, хочется показаться матери, чтобы услышать ее одобрение. Что, если раньше она отворачивалась от меня только из-за моей неопрятности? Сестры следили, чтобы я приезжала во дворец жены великого Риши в том виде, который был им привычен...

– Вернемся к проклятой табличке, – вдруг возобновляет разговор Чэн. – Как думаете, почему она не сработала?

– О чем вы?

На самом деле я прекрасно понимаю его.

– Думаю, вы знаете, – кивает страж, чье лицо опять скрывает капюшон, – табличка должна была пробудить покойниц, но этого не произошло.

Расчесав волосы, застываю, глядя на заколку, подаренную мне сестрами на день рождения.

– Думаю, этого не произошло, потому что нянечки были хорошими людьми. А с хорошими людьми не происходит ничего плохого, – негромко отвечаю я спустя некоторое время.

– Это так не работает, – вновь усмехается Чэн, но на этот раз как-то по-доброму. – Они не пробудились по другой причине.

Убираю заколку в карман, устав на нее тарашиться, и выхожу к нему из-за ширмы.

– Может, сразу озвучите эту причину? – холодно предлагаю я. – Вижу, вам не терпится произнести это вслух.

– Вы обладаете духовной силой, – развернувшись ко мне, отвечает Чэн, даже не думая отрицать мое утверждение.

– Забудьте о том, что вы сказали!

– Ваша искренняя забота о захоронениях не позволила проклятию оживить трупы. Зато мертвая кошка вашей драгоценной сестрицы вырыла себя из могилы, стоило табличке коснуться земли.

– В нашей семье уже есть обладательница духовной силы. И она станет Святой при правителе! – серьезно предупреждаю я его.

– Дэй’Фуа – прекрасная кандидатка, – кивает Чэн, глядя на меня из-под капюшона, – но даже слепому вчера должно было стать ясно: у вас силы намного больше.

Прикрываю глаза, сжав заколку в кармане.

– Вы идете против сложившегося положения вещей. Я не понимаю, зачем вы это делаете. Не понимаю, почему настраиваете меня против сестер и хотите рассорить меня с ними...

– Думаете, это то, чего я хочу? Или высказали то, чего опасаетесь сами? – неожиданно перебивает он меня, вынуждая поднять на него растерянный взгляд. – Вы боитесь, что кириса Дэй’Фуа обидится на вас, осознав, что именно вы способны стать придворной Святой и занять ее место. Можете отрицать, но, думаю, глубоко в душе вы сами все знаете. – Ни с того ни с сего Чэн добавляет: – Поэтому вы не убрали волосы заколкой, подаренной вам сестрами на день рождения, а спрятали ее в карман.

– При чем здесь заколка?! – раздосадованно бросаю я и, поджав губы, отворачиваюсь.

Фуа говорила мне об этом. Вчера в своих покоях. Она вспомнила про ту птицу...

Кажется, это было пару лет назад: голубку занесло к нам на последнем издыхании. Не знаю, кто повредил ей крыло и зачем кому-то понадобилось так издеваться над бедной птицей... Я тут же нашла для нее короб и ухаживала за ней несколько дней подряд, почти не выпуская из рук.

Фуа помогала мне, ненадолго забирала птицу, чтобы я могла отдохнуть.

Все были уверены, что голубка умрет. И когда через три дня птица взлетела, взмахнув абсолютно здоровым крылом, я поняла одну простую вещь...

«Без желания бороться невозможно взлететь», – сказала Фуа, глядя голубке вслед.

«Ты хотела сказать “без желания жить”?» – переспросила я.

Сестра посмотрела на меня непривычно тяжелым взглядом:

«Я сказала то, что хотела сказать».

Кажется, она знала, что во мне есть сила, равная ее силе. А возможно, даже превосходящая...

Внезапно услышав стук тамтамов, мы с Чэном дружно высовываемся из окна.

– Это то, что я думаю? – изумленная и вдохновленная одновременно, спрашиваю я у своего стража.

– Судя по бою и праздничному шествию по городу, – наполовину свесившись наружу, размышляет он, – так и есть.

Мы одновременно срываемся и мчимся на улицу. Чэн едва поспевает за мной, ругая за излишнюю прыть, – но мне не до его неодобрения! Эти звуки говорят о том, что род Риши выбрал новую Святую! И праздничное шествие призвано донести до простых горожан ее имя.

– Натяните капюшон, – произносит Чэн, когда мы выбираемся на улицу, и тут же надевает его на меня сам.

Недовольная, поправляю ткань, чтобы хоть что-то видеть. Постоялый двор выходит на узкий проулок, куда шествие точно свернет.

– Идите за мной и держитесь стен домов! – командует мой страж и направляется вперед.

– К чему такие меры? – радостно спорю я. – Они приняли это! Приняли меня!

Сама не понимаю, с чего на моих губах растягивается такая широкая улыбка. Я же еще недавно хотела, чтобы все осталось как прежде. Выходит, врала себе: я хотела быть признанной! Хотела получить покровительственный кивок от своей матери, гордящейся силой, что проснулась во мне, но была так долго скрыта от людей...

– Чествуйте новую Святую рода Риши! – кричит глашатай, проходя мимо нашего проулка, и я уже готова выпрыгнуть ему навстречу, но Чэн останавливает меня, схватив за запястье. – У нашего повелителя появилась защитница! Славься, славься, Дэй'Фуа!

Глава 3. Время понять, что как прежде уже не будет

– Уходим! – негромко бросает Чэн и тянет меня обратно к постоялому двору.

– Не понимаю... – выдавливаю я, не желая уходить в тень.

– Что непонятного?! – неожиданно зло произносит страж. – У вашей семьи другие планы на вас и на всех ваших сестер.

– Но... я... выходит, я не смогу вернуться? – высказываю вслух то, чего боюсь больше всего.

Если это шествие посвящено сестрице... Если о моей пропаже не сказано и слова... Если меня в принципе никто не ищет...

– Если не хотите быть убитой темной ночью – я бы не советовал, – коротко взглянув на меня, отвечает Чэн и тащит меня назад.

Иду, как пришибленная, глядя вперед широко раскрытыми, но абсолютно пустыми глазами. Кажется, я наконец догадываюсь, что происходит.

– Вы можете бросить меня! – резко вырываю свою руку из руки Чэна. Останавливаюсь перед входом и поднимаю на него взгляд.

– Вам никто не заплатит за мое спасение. Меня вообще не нужно спасать: так решила моя семья, – говорю без эмоций в голосе.

– Так решили ваши сестрицы. Шествие явно не согласовано с вашим отцом: весть просто не успела бы долететь до столицы и обратно.

– Сестры имеют право объявить о выборе Святой... Если получено разрешение матушки.

– Выходит, с разрешением ее поторопили, – спокойно отвечает Чэн.

– Все не так просто! – качаю я головой, запуская руки в мокрые волосы.

– Для начала давайте вернемся в комнату: вам нельзя болеть, – не обращая внимания на мое смятение, произносит страж и решительно утягивает меня внутрь здания.

– Зачем вы нянчитесь со мной?

– Кириса, скажите, что вы знаете об иерархии власти в Поднебесных Землях? – закрыв за нами дверь и стянув капюшон с лица, спрашивает мой страж.

– Что она целиком и полностью принадлежит нашему правителю... И что отец – его вернейший советник, наделенный силой видеть чуть дальше, чем обычные люди...

К чему этот вопрос?

– Выходит, вы не знаете ничего, – заключает Чэн.

– Зачем вы спрашиваете?! И зачем интересуетесь тем, что никак не сможет вам помочь? Рядом со мной быть... невыгодно! Моей семье я больше не нужна! И вы сами сказали: простой люд обо мне тоже давно забыл. Выходит, я теперь безымянная, на самом дне, еще и без средств к существованию. Я даже эту комнатку себе позволить не могу, потому что никогда в жизни денег в руках не держала!

– Но вы хотя бы знаете, что они вам пригодятся, – этого достаточно, – пропустив мой взрыв мимо ушей, ровным тоном произносит Чэн. Затем его взгляд становится холодным и расчетливым. – Я останусь подле вас, кириса. И буду защищать вашу жизнь.

– Но зачем? Что вам с этого? – растерянно спрашиваю, втайне желая, чтобы он нашел причину... любую...

Я храбрюсь перед ним, но совершенно точно знаю: без него мне не выжить.

Вообще.

Вот только попросить о помощи напрямую – не хватает мужества.

– Как я уже сказал, вы не знаете и половины о положении дел в стране. Вы – отличная инвестиция в будущее, – выпрямившись, насмешливо и даже как-то до странного легкомысленно заявляет Чэн.

– В будущее?.. – еще более растерянно повторяю я. И даже забываю об отчаянии, накатившем на меня пару секунд назад.

– Вы не просто девятая дочь великого Риши, который считается главным человеком в Поднебесных Землях среди тех, кто знает *истинную* суть вещей. Потенциально вы еще и Святая, что послана Создателем правителю в помощь. – Мой страж смотрит на меня сверху вниз. – Если мы сможем развить ваш дар и добраться до столицы, я получу от этого много выгоды.

– Выгоды?.. – удивленно гляжу на него в ответ. А потом понимаю другую немаловажную вещь. – Вы сможете довезти меня до столицы?!

– Если вы все еще желаете отстаивать свои права на титул кирисы, – откликается Чэн, чуть отвернувшись от меня.

– Желаю! – горячо подтверждаю я.

Даже если для сестер моя пропажа ничего не значит, у меня есть отец и мать. Я все еще не одинока! И все еще могу вернуться туда, где мне положено быть по праву рождения!

– Для того чтобы отстаивать свои права и пояснить всем причину своего исчезновения, необходимо будет признать тот факт, что вас пытались убить во дворце. И не раз. И не «кто-нибудь», а ваши родные сестры.

– Мы все еще не знаем, кто стоял за покушениями...

Я произношу это негромко, отвернувшись от него и от простой истины.

– Что ж, это уже начало. Я боялся, вы будете отрицать их причастность, – кивает Чэн, в чьих глазах неожиданно появляется одобрение.

Молча смотрю себе под ноги.

– Нам необходимо как можно быстрее отправиться в путь, – продолжает страж. Он словно тщательно подбирает слова. – Ваши родные могут послать людей на поиски, и вряд ли это обернется для вас чем-то приятным.

И я вновь не могу не признать – он прав.

Меня могут остановить: сестры не раз напоминали мне, что выбираться за пределы дворца строго запрещено. А теперь я за его пределами... Какой бы ни была причина их опасений, мне совершенно точно не дадут так просто прогуливаться по улицам.

А значит, нужно поторапливаться.

– Хорошо! – киваю сама себе, но остается один нерешенный момент. – А можем мы взять с собой мою служанку? Она не предаст меня! Я в этом уверена! Зато очень поможет нам в пути: она очень умная! И мне не хочется оставлять ее одну – ей же придется за меня отчитываться перед сестрами, а они... – Замолкаю под тяжелым взглядом Чэна.

– Кажется, вы так до сих пор ничего и не поняли...

– Нам нельзя с собой никого брать?

– Ваша служанка мертва, кириса. Задушена в ваших покоях, – произносит воин, а я отступаю на шаг, прикрыв рот ладонью.

Значит, мне не показалось? Она лежала на полу?..

Некоторое время молчу, глядя на Чэна. А затем опускаю голову и натягиваю на лицо капюшон, скрывая слезы.

Если табличку с проклятием на могиле моей няни я еще могла списать на страшное совпадение, то смерть моей служанки...

Вот почему Чэн забрал меня из дворца.

Внутри его стен было опасно оставаться...

– Судя по всему, легенда должна была быть такой: вас и вашу служанку убили умертвия, которых в итоге уничтожила дворцовая стража; остальные кирисы напуганы, но живы. Служанку прикончили заранее, а вашей смерти ждали, но так и не дождались: табличка не сработала... Все еще думаете, что ваши сестры – такие же жертвы злых ненавистников рода Риши? – с жестокой иронией уточняет Чэн.

– Хватит! – сухо отрезаю я.

Вытираю лицо рукой, не поднимая головы. Выпрямляюсь, встречая взгляд стража, и впервые *осознанно* смотрю в его глаза.

– Если вам действительно выгодно помогать мне, прошу вас, отведите меня к моей матери. Думаю, правильнее начать с посещения ее дворца, – бесстрастно произношу я.

– Как скажете, кириса, – легко соглашается Чэн. – Что насчет средств?

– Средств?.. – тут же теряюсь я.

– На остановки на постоянных дворах и на питание. Возможно, даже на транспорт – если мы решим ехать в коляске, когда вы устанете идти пешком.

Я съеживаюсь.

– У меня нет денег, я уже говорила.

По всему выходит, мне многое может понадобиться.

– Может, есть что продать? – предполагает страж невинным голосом.

Подозрительно смотрю на него. Он что имеет в виду?

– Вот заколка. – Резко вытаскиваю вещицу из кармана и отвожу взгляд. – Должно быть, стоит немало.

– Ладно, пойдет, – не особенно довольно отвечает страж. – Что насчет одежды?

– Одежды?..

– Вашу шелковую одежду можно постирать, высушить и сбить за неплохую сумму.

– Но это *моя* одежда...

– В *своей* одежде вы привлечете к нам слишком много внимания. Особенно в деревнях.

– Но я не умею стирать...

Кошусь на лохань с остывшей водой.

– Самое время научиться! – Чэн подходит к стопке моих вещей и сбрасывает их в воду. –

И еще...

– Подвеску не отдам! – серьезно предупреждаю, обхватив капельку ладонью.

– Ладно. Но, если вам понадобятся деньги или еда в пути неожиданно закончится, знайте, все неудобства – от вашей сентиментальности.

– Почему бы вам тогда не продать свой меч? Уверена, он дорого стоит! – фыркаю я.

– Хочу посмотреть, как вы будете отбиваться от разбойников прутиком! – фыркает Чэн в ответ.

– Разбойники бывают только в сказках!

– Да что вы?! – уже совсем весело хмыкает парень. – Должно быть, там же – и нищета с войнами.

Вздернув нос, иду к лохани и начинаю стирать свои вещи, как умею.

Не знаю, почему меня так задевают его надменность и этот его взгляд свысока.

Словно не я здесь кириса, а он!

И почему он становится таким противным и говорливым лишь тогда, когда его лицо не скрыто капюшоном?

– Не жалейте мыла, – с усмешкой советует Чэн.

Прикрываю глаза и начинаю тереть ткань с еще большим рвением...

Глава 4. Время выбираться из города

В ожидании Чэна сижу у окна и смотрю на людей внизу. Их не так много, но все пьяны в стельку – оно и понятно! Ведь нынче выбрана новая Святая.

Мои вещи давно высушены под солнцем, собраны в мешок и вынесены, чтобы продать их в торговых рядах. Скоро от девятой дочери великого Риши не останется ничего. Даже воспоминаний.

Ведь даже подвеска на моей шее принадлежит Фуа, а не мне.

– Зачем ты отдала мне ее? – шепчу, поглаживая капельку. – Ты знала, что они попытаются убить меня?.. Но даже если нет... то почему ты передала подвеску тайно? Что я должна с ней сделать?..

Опускаю голову на руки и продолжаю смотреть на зажигающиеся повсюду огни.

Чэн ушел полтора часа назад. Я уже начинаю волноваться.

А что, если он продал мои вещи и сбежал?..

Поежившись, возвращаюсь в комнату и подхожу к зеркалу. Как часто я думала над тем, какая же у меня внешность... а теперь все не могу к ней привыкнуть. И к высохшим прямым тяжелым волосам за спиной, открывающим гладкое лицо без темных кругов, нарисованных рукой служанки, и к ярким, широко распахнутым глазам, в которых сейчас застыло ожидание... Мне сложно смотреть на себя такую. И одновременно – безумно интересно.

Какое впечатление эта девушка может произвести на людей?

– Все никак не насмотритесь?

Резко оборачиваюсь и гляжу на своего стража в проеме окна.

– Ты вернулся! – взволнованно и радостно произношу я.

– Вы мне тыкаете? – подняв бровь, уточняет Чэн.

– Прости... – Тут же сконфуженно прикрываю губы рукой. – Ты... такой молодой...

Не объяснять же ему, что няне я говорила ты, как и сестрам... Это просто привычка. А выкала я ему лишь от неожиданности.

– Я старше вас на четыре года, – замечает Чэн.

– Простите... – еще больше сжимаюсь от стыда я.

– Впрочем, так даже лучше, – поразмыслив, соглашается страж. – Обращайтесь ко мне на ты.

– С чего вдруг такие поблажки? – интересуюсь я, чуть насупившись.

– Ходить по городам и деревням я буду в простом дорожном плаще с глубоким капюшоном. И ваше вы в мой адрес покажется весьма подозрительно: люди подумают, что под тканью скрыт какой-то важный господин.

– Но вы-то продолжите обращаться ко мне уважительно...

Не улавливаю логики: разве это не будет выглядеть еще более подозрительно? Или он тоже намерен обходиться без формальностей?

– Вы забыли, кириса, – усмехается Чэн, глядя на меня, – когда на мне капюшон, я стараюсь вообще не разговаривать.

Это, кстати, действительно любопытное наблюдение: за все годы в летнем дворце я едва ли слышала от него с десяток слов, а тут, вне дворцовых стена, он просто разговорился!

И показал всю красоту своего характера...

– Готовы? – спрашивает страж, оглядев комнатушку.

А я впервые замечаю за его плечом дорожный мешок.

Весьма вместительный дорожный мешок.

– Да, – киваю я. И решаю уточнить моменты, о которых он явно решил умолчать. – Ты продал мои вещи?

– Да, теперь у нас есть немного денег.

Страж поднимает с пола свой меч и прячет его под плащ.

– И?.. – пристально смотрю я на него.

Чэн поднимает бровь:

– Вы же не думаете, что я доверю наши сбережения человеку, который никогда не держал денег в руках?

– Ну...

– Если готовы, то идите к окну, – решительно направляясь туда же, приказывает страж.

– Почему к окну?

– Наш платеж уже просрочен: я заплатил только за ночь. Так что пора делать ноги!

Он подхватывает меня на руки и выпрыгивает на улицу.

Мой крик мог бы разбудить всех спящих, если бы сейчас хоть кто-то спал. Но вокруг одни пьяные, поэтому страдает один только Чэн.

– Ну, у вас и голосок! – Поморщившись, он спускает меня на землю. – Здесь же всего полтора этажа!

– Это *целых* полтора этажа!

– Помнится, во дворце вы и не с такой высоты прыгали, – замечает Чэн, и я замолкаю, погружаясь в транс воспоминаний. – Идемте. Хозяин наверняка догадался, что так орать могла только девчонка из нашей комнаты.

Натянув на лицо капюшон, он берет меня за руку и ведет вперед – на главную улицу поселения.

С любопытством смотрю на все вокруг. Я никогда не была здесь. Никогда не видела, как живут простые горожане. Предприняв первую и последнюю самостоятельную вылазку, я была остановлена недалеко от летнего дворца. Так что... так далеко от дома я никогда не уходила.

– Как думаете, почему сестры заставляли вас пачкать лицо? – неожиданно сухим, если не напряженным голосом уточняет Чэн. А рука его сжимает мою крепче, чем пару минут назад.

– Не знаю. Им так больше нравилось? – оглядываясь на огоньки и прилавки, рассеянно откликаюсь я.

– Нет, не поэтому! – Он еще сильнее стискивает мою руку в своей. – Натяните капюшон.

– Зачем?..

Тогда я не смогу увидеть все, что хочу!

– Быстро! – четким голосом командует Чэн, и я почему-то его слушаюсь.

Натягиваю ткань и опускаю голову.

Дальше мы идем значительно быстрее, словно за нами кто-то гонится.

– Нас узнали? – шепчу, пытаясь поспевать за Чэном.

– Нет, но вы привлекли внимание. Точнее, наша пара.

– Кто-то решил, что мы пара?!

Был в одной книжке рассказ про двух влюбленных...

– Нет, кто-то решил, что я вас выкрал из дома и тащу в темный проулок, чтобы обесчестить! – звучит насмешливый и дерзкий ответ.

– Обесчестить?.. – испуганно повторяю я.

– Создатель! – восклицает Чэн, и я прямо вижу, как он закатывает глаза. – Вас это слово пугает или то, что за нами следуют несколько сердобольных и не в меру любопытных горожан?

– Они переживают за меня! – прижав свободную ладонь к груди, радуюсь я.

– О, они так переживают, что обязательно вернут вас во дворец, когда пресекут нападение на вашу честь. И пока я буду просиживать штаны в тюрьме, ожидая, когда мою участь решит еще один сердобольный представитель закона, вас успеют закопать рядом с вашими нянечками.

– Зачем ты так говоришь?! – выдернув руку из его хватки, с раздражением и досадой бросаю ему я.

Ему так *нравится* напоминать мне о моем положении?..

– Он и впрямь ее насильно тащил? – переговариваются горожане вокруг.

– Бедная девочка!

– Нужно ее выручать!

Ой.

– Бестолочь! – тихо ругнувшись, Чэн снова берет меня за руку и срывается с места. –

Бежим!

Перед глазами все смазывается. Я как могу пытаюсь держать его ритм, но мой страж оказывается на несколько голов опытнее в вопросе бега. А я-то думала, что мои навыки нельзя превзойти!

Выходит, Чэн подстраивался под свою подопечную, пока та носилась по коридорам летнего дворца, полагая, что быстрее только ветер...

– Не останавливайтесь, кириса! – не ослабляя хватки, командует он.

Я бы и хотела! Но это же невозможно! Наверное, если я перестану передвигать ногами, Чэн просто потащит меня за собой по земле! Или я буду болтаться в воздухе, не касаясь ногами твердой поверхности, – так быстро он бежит!

Через десять минут я уже мало что соображаю и готова свалиться без чувств.

– Вроде оторвались, – выпустив мою руку, резюмирует Чэн.

Со стоном валюсь-таки на землю.

– Думаю, придется идти лесной тропой. Возвращаться в поселение за лошадьми теперь чревато: нужные люди быстро разберутся, что за парочка шатается по улицам в капюшонах, – заключает мой страж, и я готова треснуть его по голове за то, что он ни разу не запыхался.

Ну как так?!

Выдыхаю, стирая пот со лба, затем спускаю капюшон с головы и осматриваюсь по сторонам.

– А где мы?

Глава 5. Время идти лесными тропами

– Это...

– Это природа, кириса. Давно не видели таких пейзажей? – хмыкает Чэн.

– Нет, я видела... на картинках...

Измученно смотрю во все глаза. Пусть небо давно потемнело, звезды и свет луны отлично освещают пространство.

Холмы, горы вдалеке, деревья... много деревьев... так близко! И никаких стен вокруг!

– Вас довозили до дворца матушки в коляске?

Точно, его же не брали в те поездки.

– Да, – важно киваю я. – Иногда таскали в паланкине по улицам. Но этикет не позволял выглядывать наружу: полагалось ровно сидеть на подушке и не двигаться с места.

– Ну, завтра днем вы насмотритесь на эту красоту вдоволь. А к концу недели, возможно, уже плевать от этих видов начнете.

– Да разве это возможно? – растягиваю я на губах улыбку, продолжая всматриваться в темень. Затем зябко передергиваю плечами.

– Сейчас я разведу костер. Здесь нас вряд ли найдут, даже если будут усиленно искать: никому не придет в голову, что бестолковая кириса решится путешествовать по свету.

– Ты думаешь, нас ищут? – отрешенно спрашиваю я.

Даже не реагирую на «бестолковую кирису».

– Вы были слишком увлечены огоньками вокруг, – насмешливо откликается Чэн, скидывая мешок с плеча, – и не заметили стражников, патрулирующих те улицы, что мы старательно обходили.

– Значит, они все-таки ищут меня, но по-тихому, – выдыхаю я, не зная, радоваться мне или еще больше грустить.

– Пойду за хворостом. Посидите здесь и постарайтесь не привлекать внимания: путники обычно идут другой дорогой, но ваше везение просто не может не привести сюда медведя или еще кого пострашнее.

Расстелив покрывало, Чэн спокойно поднимается и уходит в лес.

– Кого пострашнее?!

– Ну, озлобленного духа какого-нибудь. Кто вас знает, на что вы способны, – отвечает страж, а я готова швырнуть в него его же мешком.

Но вместо этого притягиваю к себе колени и сижу неподвижно. А потом перебираюсь на покрывало. Не зря же его расстелили.

Он шутил.

Чэн просто шутил.

Никто ко мне не выйдет.

Но стоило какой-то большой тени промелькнуть между деревьями, как я сразу теряю свою уверенность. А мой громкий крик, кажется, отражается от ветвей и возвращается обратно ко мне оглушающим звоном.

– Ладно, напугали. Я пошел обратно.

Мой страж с охапкой хвороста в руках разворачивается на сто восемьдесят градусов.

Еле сдерживаюсь, чтобы не броситься к нему.

– Нет, Чэн! Не уходи! Вокруг так много незнакомых звуков! И тени везде... Я никогда не была в лесу... И костра никогда не видела...

– Сколько открытий вам предстоит! – фыркает страж и садится на корточки.

Внимательно слежу за процессом розжига.

Откровенно недоумеваю: откуда взялась искра? И почему от нее вспыхнули сухие ветки? Во дворце я много раз играла с камнями, и искры в стороны не летели.

Мне все интересно!

– Не садитесь так близко. – Чэн аккуратно отодвигает меня от огня. – Он сейчас разойдется.

– Это и есть костер?

– Его вы тоже видели только на картинках? – хмыкает мой страж, но как-то по-доброму.

Активно киваю, чувствуя долгожданное тепло.

– А что есть будем? – с воодушевлением спрашиваю я.

– Лепешки. И соленое мясо.

Он вынимает еду из мешка.

– И?..

– И воду.

Чэн достает бамбуковую бутылку.

– И?..

Он разводит руками:

– Кириша, вы всегда можете вернуться во дворец и питаться так, как привыкли.

Хочу его ударить. Но вместо этого принимаю лепешку и впиваюсь в нее зубами. Вчера я не ужинала. А сегодня весь день и думать о еде не могла: так была испугана.

– Создатель, как же это вкусно!

Я еще яростнее вгрызаюсь в лепешку, прикрывая глаза от удовольствия.

– А вы непривередливая.

Минут пять я усердно пытаюсь разжевать жесткое мясо, а потом негромко напоминаю:

– Ты говорил, что сестры заставляли меня пачкать лицо.

– Хотите сказать, что это не так? – глядя на костер, интересуется Чэн.

– Я сама это делала, – признаюсь еще тише. – По совету покойной нянечки и руками служанки... но сама. Меня никто не заставлял.

– Что-то не верится. Я наблюдал за вами несколько лет и каждый день видел, как вы готовитесь выйти из покоев.

Я опускаю голову:

– Вначале я делала это с удовольствием, но потом просто привыкла и не могла остановиться.

– «Не могла остановиться». Какой интересный подбор слов. Может, вам уже не давали остановиться?

Поежившись, обхватываю свои колени.

– Я продолжала, потому что знала, что сестрам это нравится.

– А теперь ответьте: нормально ли, что вашим сестрам нравилось уродовать вас?

Подбираю ноги еще плотнее к себе и утыкаюсь в колени лбом. Не могу этого вынести.

– Но это же не они мазали меня углем по утрам.

– Но они это поощряли, – чуть тверже, чем прежде, произносит страж, и я морщусь в своей скрюченной позе. – А теперь спросите себя: почему они поощряли этот странный ежедневный ритуал своей любимой младшей сестры?

– Это веселило их? – шепчу я, крепко зажмурившись.

– Это успокаивало их.

– Но почему?..

– Вот мы и подобрались к причине, по которой нам пришлось бежать из поселения в лес, – хмыкает Чэн. Затем резко обхватывает пальцами мой подбородок и заставляет меня поднять голову.

Удивленная, встречаю его взгляд, застывая почти вплотную к его лицу.

– Вы привлекаете внимание, кириса. Ваше лицо привлекает внимание.
Смотрю на него, широко распахнув глаза, и не знаю, что ответить.

Выдавливаю неловкое:

– Чье внимание?..

– Мужское, – не выпуская меня, поясняет Чэн.

Несколько секунд мы так и сидим – неподвижно, даже не шелохнувшись. Неожиданно он резко отпускает мой подбородок и меняет тон:

– Впрочем, вам еще рано об этом думать.

Чэн подкидывает хворост в костер.

Странный вышел разговор.

Засыпаю я у самых углей и сразу же – стоит только голове устроиться на покрывале. Должно быть, события этого дня измотали меня.

Сплю неожиданно крепко и даже высыпаюсь. Но, проснувшись, тут же начинаю клцать зубами от холода.

– Следуйте за мной, я покажу, где можно умыться, – предлагает Чэн, очевидно, уже давно вставший.

Он отводит меня к ручью. В качестве уборной мне предоставляется вся окружающая местность.

Если бы вопрос не был таким деликатным, я бы высказалась. Но раз Чэн может привыкнуть к таким условиям, то и я должна!

Возвращаясь, клцая зубами еще сильнее: вода в ручейке просто ледяная.

– Нам повезло, что дело идет к лету. Зимой идти по лесу – то еще испытание, – замечает мой страж, а я мудро молчу.

Ему, должно быть, виднее.

Я устраиваюсь у вновь разведенного костра и кутаюсь в покрывало.

– А что у нас на завтрак?

– Я наловил в ручье рыбы. Она мелкая, но ее достаточно много. – Чэн кивает на небольшой котел, в котором и впрямь копошится рыба.

Едва подавив рвотный позыв, почти спокойно уточняю:

– Мы... мы будем есть ее живой?

Внимательный взгляд молодого человека озадачивает меня.

– В другой раз я бы, наверное, разыграл вас, сказав, что да. Но выглядите вы неважно, поэтому отвечу правду: мы ее пожарим.

Он начинает насаживать рыбешек на прутики. Почему-то я считаю нужным заверить его:

– Со мной все хорошо. Я способна выдержать *все* это.

– Не сомневаюсь, – хмыкнув, но так и не взглянув на меня, отвечает Чэн.

А затем готовит.

Про соль я не спрашиваю, подозревая, что тогда мой страж вконец во мне разочаруется, и за завтраком пытаюсь представлять на месте рыбешек все деликатесы со стола во дворце.

– Скоро вы привыкнете к натуральному вкусу, без добавок, и еда в трактирах покажется вам слишком приправленной и пересоленной, – делится он опытом.

– Даже не знаю, радоваться ли этому, – отзываюсь я из мира грез о сладостях или хотя бы о мясной похлебке.

Когда мы собираем вещи в мешок, уже всюю греет солнце, и я перестаю дрожать от холода, подставляя лицо под его лучи.

– Не советую увлекаться – так и ожоги получить можно, – предупреждает меня страж, шагая вперед.

– Оно же такое безобидное! – удивляюсь я, но все же опускаю подбородок.
– Кстати, вы постоянно теребите вашу подвеску. Порой неосознанно, – замечает Чэн, а я изумленно смотрю ему в спину.

И как он это видит? У него глаза на затылке?

– Она появилась у вас совсем недавно, – продолжает делиться наблюдениями страж, – и, судя по всему, она вам очень дорога.

– Ее мне подарила Фуа. На день рождения. Когда я зашла к ней в покои перед тем, как...

Я замолкаю, вспомнив все, что было после. А Чэн, похоже, вспоминает, как я отказалась продавать украшение.

– Она что-то значит для вас?

– Это подарок отца, – негромко отвечаю я, держа капельку на ладони. – Фуа подарила подвеску мне, решив, что я стану следующей Святой.

– Странно, не правда ли?

– Что именно?

Чэн бросает на меня взгляд через плечо:

– Странно, что она так решила, но в итоге именно ее имя мы услышали вчера из уст глашатая.

– Я не знаю, как это объяснить...

Не могу понять мотив ее поступка. Если Фуа знала, что мне грозит опасность, почему не сказала? А если не знала, почему не велела слугам искать меня после побега из дворца? Она, конечно, не имеет такой власти, как старшая, Суа, но ее влияние тоже велико. Она могла попытаться склонить сестер на свою сторону, если только...

Если только они *все* не были заодно с самого начала.

Тогда у Фуа не было шансов.

И я не могу винить ее.

– В подвеске есть какая-то сила? – вновь оборачивается мой страж.

На ходу я прислушиваюсь к себе и к металлу в руке.

– Не знаю. Если и есть, я ее не чувствую.

– Ладно, разберемся, – кивает сам себе Чэн, и дальше мы идем молча.

Хорошо бы... Я начинаю терять связь с реальностью, когда пытаюсь понять причины происходящего во дворце. Эти события совершенно точно имеют какой-то смысл, а поступки сестер – какую-то логику. Но пока все это ускользает от меня.

Это словно какая-то сложная игра, до которой я еще не доросла и правила которой мне неизвестны.

* * *

– Скоро будет деревушка, – сообщает мой страж через полдня пути.

Облегченно выдыхаю, осознав, насколько устала.

– Там можно попроситься на ночлег?

– Это вряд ли. Зайти туда имеет смысл только из-за вашей обуви.

– Что не так с моей обувью?

Кожаные сапожки очень удобны. До сих пор благодарю Создателя, что решила надеть их, когда отправилась на могилки нянечек. На земле тапочки из ткани, пусть и плотной, быстро замарались бы и пришли в негодность. А за подобное сестры не раз отчитывали меня...

– Ваши сапоги выглядят слишком дорого.

– Ну уж нет! Их я не продам!

– Вкус мяса очень скоро приестся...

– Ничего, потерплю как-нибудь!

– Ваше право, – пожимает плечами Чэн.

Но выражение его лица сразу меняется, стоило ему посмотреть на что-то вдали.

– Что не так? – тревожно спрашиваю я.

– Поля пусты.

– И?..

Я оглядываюсь по сторонам. Вокруг действительно поля: лес мы оставили позади. А на них ни души, даже животных не видно. Только ветер гуляет.

– Обычно крестьяне работают до наступления темноты, – только и говорит Чэн, а затем надолго замолкает.

Когда мы подходим к окраине деревушки, я начинаю понимать его опасения...

Глава 6. Время почувствовать силу внутри

– Что это такое?!

– Заколочено недавно.

Чэн проводит рукой по окну с приколоченными досками и сосредоточенно осматривает дом. Или это стоит назвать сараем?.. Чем бы ни было это строение, у него заколочены все входы и выходы. Даже дверь. Как туда попадают люди?

Удивленно перевожу взгляд на своего стража. Тот продолжает изучать стены и пологую крышу. О чем-то думает. Но со мной не делится.

– Кириса, держитесь-ка поближе ко мне! – Кажется, впервые в жизни я наблюдаю, как Чэн извлекает меч из ножен. – И когда я говорю «поближе», это значит «совсем рядом»! – сердито сверкает он глазами.

Подхожу к воину, встаю за его спиной. Не нравится мне, когда его лицо так напряжено...

– Сейчас пойдем к тем домам впереди, – кивает он на первые строения в деревне недалеко от нас.

– Что не так с этим местом? – прижав руки к груди, тихонько спрашиваю я.

– Не поверите, но задаюсь тем же вопросом.

Мне становится не по себе. Чтобы у Чэна – и не было ответа?

Дома в деревеньке так же заколочены, как и первый, но больше всего меня настораживает то, что некоторые из окон забиты изнутри.

– Там что, есть люди?

– Вполне возможно.

– Но зачем им заколачивать себя внутри домов?

Теперь я говорю еле слышно. Почему-то появляется ощущение, что не стоит нарушать гробовую тишину вокруг.

А небо все темнеет...

– И это тоже хороший вопрос. Думаю, самое время узнать.

– Может, спросим у того господина? – указываю я рукой в сторону.

– У како... – Чэн внезапно замолкает, а затем, прижав меня к стене дома, мимо которого мы шли, и заглянув мне в глаза, чеканит: – Стойте здесь и не двигайтесь с места.

Стою, как и сказано. И вижу, как Чэн быстро пересекает расстояние до мужчины, взмахивает мечом и отрубает тому голову.

Что?!

В ужасе наблюдаю, как тело человека рассекается на две части и с глухим звуком падает на землю. Я не в силах отвести взгляд, равно как и сделать вдох.

Он только что убил человека. На моих глазах. Вот так просто. Одним взмахом. Не спрашивая, кто тот такой...

– Дышите, кириса! – Голос Чэна вынуждает меня наполнить легкие воздухом.

Но перестать смотреть на тело не могу, как ни пытаюсь.

– За что вы его?..

– За то, что не место ему здесь, – отвечает Чэн, внимательно оглядываясь по сторонам. – Значит, так, сейчас я вам подсоблю, а вы заберетесь на крышу этого дома. Подтягиваться же вы умеете?

– Зачем? – спрашиваю я, только сейчас заметив, что до сих пор вжимаюсь спиной в стену.

– Потому что он здесь не один.

Испуганно смотрю своему стражу в глаза:

– Вы даже не спросили его – кто он! Сразу убили! Почему вы решили, что он мой враг?

– Он был не только вашим врагом, кириса. Он был врагом всего живого.

– То есть?

– Это мертвые, кириса. И оно здесь не одно. Так что вам самое время...

– Теперь понятно, что я ощущаю, – вновь положив руку на грудь, произношу я даже с каким-то облегчением.

Уже не слушаю Чэна: отхожу от стены и осматриваю улочку из двух рядов хлипких домов.

Вот от кого спрятались эти люди! От собственных мертвецов! Они запуганы и не выходят на улицу. Сколько дней они уже так сидят – без еды и воды?

– Чэн, мы должны помочь им, – говорю я не так решительно, как хотелось бы, но с хорошей долей уверенности в своей правоте.

– Тут я с вами согласен: деревенька расположена слишком близко к городу, – кивает страж. – Но помогу жителям я один: вы будете только мешаться под ногами.

– Я чувствую... что-то... – не сдаюсь я, но слегка теряю уверенность.

– И как нам это «что-то» поможет? – не без иронии осведомляется Чэн, явно не желая тратить время на меня и мои ощущения.

Продолжая прижимать руку к груди, поднимаю на него упрямый взгляд:

– Я не знаю. Но могу сказать, где густая тьма ощущается больше всего.

В глазах моего стража появляется проблеск заинтересованности:

– Густая тьма?

– Я ощущаю это так. Как мы пришли, чувствовала эту тяжесть на сердце, но не могла понять, что это, – неловко объясняю я, сопровождая слова жестом.

– Ну, теперь мы знаем, что это выбравшиеся из могил мертвые, – слишком легко произносит мой страж, проследив за моей рукой взглядом.

– Я пойду с тобой! – решительно заявляю я, пытаюсь убедить в этом своем «решении» нас обоих.

Врать не буду. Мне страшно. Но оставаться без него еще страшнее. А еще... почему-то я чувствую, что смогу помочь. Не знаю как, но смогу.

– С вами только сейчас сложно договориться или мне ожидать подобного упрямства и в будущем? – откровенно недовольно уточняет Чэн.

Молчу, поджав губы, но отходить от него не планирую.

– Демон с вами! – довольно странным образом выругавшись, отмахивается он и идет в указанном мной направлении.

Я почти прилипаю к нему, стараясь не отставать ни на шаг.

– Кажется, мы идем к местному захоронению. Какая неожиданность... – цедит мой страж, а я вспоминаю о двух могилках на краю своего дворцового крыла... и решительно заставляю себя не закрывать глаза.

Пора столкнуться с тем, что для меня готовили. И понять, что во дворце никто не шутил. И никто не ошибался. Тот, кто подстроил новое покушение на меня, прекрасно понимал, чем все закончится.

– Их здесь слишком много, – говорит Чэн. – Вам стоит послушаться меня и...

Я перебиваю его:

– Слева!

И мой страж одним отточенным движением отбрасывает от себя нечто, что раньше было женщиной.

Страх куда-то исчезает. Смотреть на мертвые неприятно, но я себя заставляю. Я должна *все понимать*.

– Они не умирают даже от смертельных ран. Надо рубить головы. А на это уйдет больше времени, – роняет Чэн, вновь взмахнув мечом и на этот раз перерубив шею мертвой.

Захоронения так близко к деревеньке! Теперь понятно, почему жители так запуганы: у них нет даже шанса сбежать.

– Что вы там все время повторяете? – услышав мой шепот, спрашивает мой страж, справляясь с еще одной парой и пятясь назад, потому что к нам приближается все больше мертвецов.

– «Я должна на них смотреть», – ощущая боль от напряжения в глазах и тошноту от вида мертвых и запаха вокруг, отвечаю я.

Чэн как-то странно хмыкает, словно уловив смысл моего самоистязания.

– Думаю, нам придется бежать, кириса. Поэтому попрошу вас посмотреть назад и проверить, чист ли путь.

Оглядываюсь и понимаю: их действительно слишком много! Четко осознаю, что сковываю Чэна. Он не может позволить себе оторваться от меня, и теперь мы в невыгодном положении – окружены почти со всех сторон...

Создатель, я была не права. Я никак не помогу ему. Я не воин. А широко распахнутые глаза их явно не пугают.

– Кириса, на счет три! – уже откровенно напряженным голосом произносит Чэн, отбиваясь то от одного умертвия, то от другого. – Раз, – перерубает того, что справа. – Два, – отрубает голову тому, что слева.

– Чэн! – Я приникаю к нему всем телом, обнаружив еще одного мертвеца, подобравшегося к нам сзади.

Чэн резко разворачивается, в повороте прижимая меня к себе одной рукой, а второй размахиваясь для удара невероятно тяжелым двуручным мечом. А потом я ничего не вижу, потому что стою, уткнувшись лицом в его грудь.

Несколько секунд тишины – и чуть хрипловатое:

– Интересно...

Отрываюсь от него, но тут же возвращаюсь на место, вжав голову в плечи, – Чэн делает еще одно рубящее движение, вновь развернувшись вместе со мной.

– Так, ладно. Один раз – совпадение, второй – уже система, – слышу я странные слова. Крепко зажмурившись, спрашиваю:

– Нас окружили со всех сторон?

– Нас... – И вновь замах, и вновь он замолкает, отбивая очередное наступление мертвецов. – Интересно, а если просто – за руку?

Не успеваю я подумать, что мой страж сошел с ума, как мою ладонь обхватывает ладонь Чэна, а саму меня опять отталкивают за его спину.

Что за свет?

– Это что, меч?! – изумляюсь я, выглянув из-за плеча моего стража, но рука Чэна настойчиво возвращает меня обратно.

– Да, он начал светиться, как только вы ко мне прижались.

Страж наносит легкий удар по очередному умертвию.

Недоверчиво смотрю, как оно падает на землю и остается лежать там.

Едва ли не от царапины.

– Они...

– Да, они больше не встают. словно их тела очистились от темной силы, – кивает Чэн, а затем целеустремленно идет в самую гущу мертвецов.

Во все глаза смотрю, как один за другим мертвые опадают на землю. Оказывается, получив относительную свободу – ведь в его руке моя ладонь, – он может довольно быстро косить ряды противника. Огромным мечом... Одной рукой... Даже слишком профессионально...

– А кем ты был прежде, чем стать моим стражем? – спрашиваю я, не имея сил оторвать взгляда от красивых и смертоносных взмахов его оружия.

– Какое любопытство! – насмешливо восклицает Чэн. – Давно вам стала интересна моя персона, кириса?

Отвечать ему явно не хочется.

– Просто ты так владеешь мечом... и не удивился, когда он засветился от моего прикосновения к тебе. Да и умертвия тебя не пугают...

Я осторожно подбираю слова, хотя все больше понимаю: это не просто странно.

Это *очень* странно.

– Вас, кириса, умертвия тоже не пугают.

– Потому что няня рассказывала мне об этом, – негромко произношу я. – Всем кирисам рассказывали про силу, которая в нас может проснуться.

– Эта сила поднимает мертвецов? – хмыкает мой страж. – Я думал, Святые обладают прямо противоположными умениями.

Совсем тихо я говорю:

– Сила духа бесцветна. И только человек решает, как ею пользоваться.

– Любопытно... Еще любопытнее все выглядит в свете последних событий во дворце.

Знаю. Поэтому молчу, поджав губы. Я забыла об этом. Забыла обо всем, что мне говорила няня, – и вспомнила только сейчас, когда воочию убедилась в наличии дара.

У себя.

– Мы закончили, кириса, – остановившись и обернувшись ко мне, произносит Чэн.

Неловко разжимаю ладонь и ощущаю, что парень отпускает ее неохотно.

– Я смогла помочь? – неуверенно спрашиваю я, стараясь не смотреть на кучу трупов вокруг.

– Смогли, – кивает Чэн, и его внимательный взгляд смущает меня еще сильнее. – Пожалуй, я был прав, когда сделал ставку на вас.

– На меня?..

– А вот и жители деревни, – глядя куда-то за мою спину, говорит он.

Оборачиваюсь и смотрю на тех, кто не спеша выходит нам навстречу. Кто-то спускается с крыши, кто-то выбирается из погребов, кто-то выбивает входную дверь...

Но все это живые люди. Эту разницу я теперь чувствую четко.

– Вы спасли нас, – тихонько и робко произносит женщина в грязном платье темно-серого цвета.

– Мы очистили ваших мертвецов. Больше они не восстанут, – кивнув на трупы, громко и четко сообщает Чэн.

– Они действительно ушли насовсем? – с тревогой спрашивает крупный мужчина с густой бородой.

– Действительно! – хмыкает Чэн, а затем оглядывается на меня. – Ведь со мной Святая рода Риши.

– Что? Святая?.. Здесь? В нашей деревушке?! – потрясенно перешептываются люди.

– Я...

Растерянно смотрю на Чэна, не понимая, зачем он это делает. Зачем говорит то, чего не должен?

Нас уже окружает толпа.

– Узнайте имя той, что даровала вам спасение! – еще громче произносит мой страж, оглядывая жителей деревни. – Перед вами девятая дочь великого Риши, Дэй'Аи!

– Благослови тебя Создатель, девочка!

Ко мне тут же хлынул поток людей, желающих прикоснуться к моей руке, к моей коже или просто к одежде.

– Ваша спасительница устала, – замечает Чэн, – и хочет отдохнуть.

– Конечно-конечно! Мы выделим ей лучший дом! Ига, потеснись, Святой нужен отдых! – запрочитала женщина, заговорившая с нами первой.

– Потесниться?! Да я освобожу им весь дом! – крикает бородатый мужчина – видимо, здешний староста. – Отдыхайте, дорогие гости! Сегодня мы можем спокойно выйти из своих жилищ, не боясь наткнуться на умершего родственника! И все благодаря Святой из рода Риши!

Так вот почему они не давали бой мертвецам, решив просто закрыться от них, – по улицам бродили их родные...

Бросаю взволнованный взгляд на Чэна, но тот лишь кивает, подтверждая, что понял мои мысли. Затем нас ведут в один из домов в центре деревушки, где мне тут же выделяют спальное место в центре комнаты – на лучшей перине, как заверяет староста.

После ночи в лесу эта постель кажется мне верхом роскоши. Деревенские затевают гулянку с выпивкой и задорными песнями, но сил у меня хватает лишь на то, чтобы сказать Чэну, негромко беседующему со старостой в соседней комнате, что я сплю.

Этот день вымотал меня еще больше, чем предыдущий.

Глава 7. Время столкнуться с тем, что ты еще не в силах осознать

Как же здорово умыться водой, от которой не сводит пальцы!

Похлопав себя по щекам, киваю новому дню и иду к Чэну, сидящему перед входом в дом. С улыбкой глядя в небо, я негромко замечаю:

– Такая тишина вокруг.

– Все деревенские спят. Перепили вчера.

– Нам нужно поговорить о том, что произошло.

– Согласен, это требует обсуждения, – кивает мой страж. – Ваша сила...

– Я не про силу сейчас говорю, – мягко перебиваю я, взглянув на него. – Хотя и это происшествие нам, безусловно, нужно обсудить. Но в данный момент меня больше интересует то, как вы меня представили.

Я не мастер таких разговоров. Я вообще плохо представляю себя читающей нотацию человеку, опытному в бою. Но вчера произошло нечто, требующее разъяснения.

Нечто, что никогда не должно повториться вновь.

– Вы снова выкаете мне, кириса? – встретив мой взгляд, уточняет Чэн.

– Вы сказали им, что я – Святая, но это не так.

– Вы вчера ослепли? – Поднимает он бровь. – И не видели, как светился мой меч?

– Титул – это не просто слово. Его должны присвоить. Официально, – озвучиваю я прописную истину.

В конце концов, он же намного умнее меня и должен понимать, что поступил неправильно!

– Предположим, вам его никто не присвоит. Вы от этого перестанете быть Святой?

– Силы от этого у меня не убавятся, но Святой я называться не смогу, – терпеливо объясняю я. – Еще раз повторяю: это титул. Святую назначают. Она не может быть самопровозглашенной.

– А если я вам скажу, что это не просто титул? – внимательно смотрит мне в глаза Чэн.

– Что вы имеете в виду?

– Сейчас не время и не место, – услышав, как заскрипел пол под старостой, говорит мой страж. Затем вновь встречается со мной взглядом. – Но мы обязательно вернемся к этому вопросу.

– Когда? – настойчиво спрашиваю я.

– Когда вы вновь начнете обращаться ко мне на ты! – насмешливо отвечает он.

Качаю головой и выхожу на улицу. За то, что делает Чэн, его могут казнить. Без суда. И меня заодно...

Как он этого не понимает?!

Есть правила, которые нельзя нарушать. И из нас двоих это я лишь пару дней назад вошла во взрослую жизнь! А Чэн в свои двадцать должен знать, что такое устав и как его соблюдать.

Такой бунтарь! *Как он вообще умудрился попасть во дворец?*

Не замечаю, как ноги сами приводят меня на то место, где вчера шел бой. Деревенские еще до ночи растащили трупы, отправив их обратно на кладбище, – и сейчас ничто не напоминает, что творилось здесь буквально несколько часов назад.

Но я все еще помню взмахи светящегося меча и хватку Чэна на своей руке.

Так что же здесь произошло на самом деле? Я действительно смогла осветить оружие?

Я когда-то читала об этом: раньше Святые могли и не такое! Но потом сила их стала истощаться. В итоге предыдущую Святую, сестру моего отца, убили. Не во дворце, конечно, а во время ее поездки в один из городов. Но так или иначе... она не смогла защитить себя.

А я смогу защитить себя?

Сжимаю кулаки, отбрасывая нехорошие мысли, которым не место в моей голове, и иду в сторону захоронений. Не знаю, почему хочу взглянуть на ту землю. Однако что-то подсказывает, что я должна это сделать.

Голоса и цоканье копыт я услышала случайно – когда ветер на секунду стих.

Мгновенно прижимаюсь спиной к стене, как учил Чэн, и осторожно выглядываю за угол здания. Рядом со входом на территорию кладбища стоит небольшой отряд стражников. Часть из них все еще в седлах, часть спешили. Они о чем-то переговариваются и указывают на могилы.

Узнали, что здесь ходят неупокоенные?

Затем один из стражников возвращается с земли мертвецов и протягивает всаднику вещь, обернутую платком.

Мое сердце начинает стучать быстрее: дощечка с проклятием почти идентична той, что я самолично перебросила в крыло Ули.

Откуда здесь вторая?!

Что-то на периферии зрения заставляет оторваться от странного зрелища и повернуть голову: в десяти метрах от моего убежища, прямо посередине деревенской дороги, стоит Руи и изумленно смотрит на меня.

Время прекращает свой ход. Даже звуки исчезают. Остается лишь колыхание наших юбок, поднятых ветром, пыль с земли, застывающая в полете, и взгляд глаза в глаза...

А затем губы сестры произносят беззвучное, но четкое: «Беги!»

Моментально срываюсь с места и мчусь к дому старосты. Не знаю, шептала ли сестра, кричала или вообще так и не произнесла этого слова вслух, – ветер вокруг стал таким сильным, что теперь и не понять!

– Где мешок с вещами? – кричу Чэну издалека.

– Здесь, – подняв его, удивленно отзывается тот.

– Бежим!

– Что случилось?! – в секунду подхватив наши плащи, спрашивает Чэн.

– В деревне стража! На кладбище! И моя сестра! – не останавливаясь, отвечаю я.

– Этого стоило ожидать, – цедит мой страж и тут же срывается с места.

О том, чтобы попрощаться со старостой, не может быть и речи.

Когда мы достигаем границы нового пролеска, оставив деревушку далеко позади, я падаю на колени и упираюсь руками в землю.

– Там была дощечка... дощечка с проклятием... – выдавливаю я, пытаюсь отдышаться.

Мы бежали больше получаса. Мои ресурсы истощены.

– Где? На кладбище? – тут же догадывается Чэн.

Он выглядит намного лучше меня. Кто бы сомневался!

– Да... они принесли ее оттуда... с земли мертвых... и Руи... – продолжаю я попытки донести до него информацию.

– Кириса, отдышитесь. А еще лучше – посидите немного молча и придите в себя: что бы там ни было, это может подождать, – неожиданно мягко произносит Чэн.

– Не может! – резко оборачиваюсь к нему, не скрывая ни злости на лице, ни слез на глазах. – Она знала, как это опасно! И она пришла со стражей!.. Они понимали, что делают!

Не выдержав, я рыдаю, уже не стесняясь никого. Годы во дворце больше не кажутся мне счастливым, безмятежным временем: меня окружали убийцы. Меня целенаправленно прини-

жали, всячески ущемляли, ограничивали мои права, не имея возможности устранить в открытую.

Я не верила до последнего, но, когда увидела Руи и поняла, что она сказала...

Мне не предлагали вернуться.

Мне не предлагали защиту.

Мне предложили исчезнуть. Самостоятельно.

Прижимаю грязные ладони к лицу, стараясь не думать, как долго я понимала все это, но продолжала играть в «неведение».

Я никогда не ощущала от них того тепла, что дарила мне няня Лули. Сестры всегда были холодны ко мне, и только Фуа улыбалась с добротой в глазах... Но что скрывалось за этой улыбкой? Чувствовала ли она ту же тяжесть, что и я? Ощущала ли то давление недовольства, которое я ощущала буквально каждый день?

Да, они были недовольны тем, что я родилась с милой внешностью; и они были недовольны тем, что во мне проснулась сила. Поэтому они решили избавиться от меня.

Сколько всего я еще не знаю о них и о том, что творилось во дворце?!

– Я не хочу в этом участвовать, – тихо выдыхаю после нескольких минут боли, разрывающей сердце.

Склонив голову, Чэн заглядывает мне в лицо:

– Так ли это, кириса?

– О чем ты?! – враждебно отзываюсь я, не желая слышать участия в его голосе.

– Вас тяготит несправедливость. Вы хотите, чтобы торжествовала правда.

– И что? – бурчу я, вытирая слезы.

– А то, что только вы сами можете отвоевать свою правду. И только вы сами можете восстановить справедливость в отношении себя. Никто другой.

Поднимаю на него взгляд.

– Не придет к вам защитник в белом плаще и не сделает за вас всю работу. Это только ваш личный выбор – мириться со всем или отстаивать свои права, – произносит Чэн, и в его глазах в этот момент отражаются столь странные эмоции, что я не сразу их определяю.

– Вы когда-то тоже проходили через это? – с искренним интересом спрашиваю я.

– Нет, кириса. Моя история совсем другая, – усмехнувшись, с какой-то горькой злобой на лице отвечает Чэн, а затем отворачивается. – Не пытайтесь сравнивать нас: это бесполезно и даже опасно. Не надо вам знать обо мне ничего. Просто примите к сведению: я доведу вас до столицы. До самого дворца правителя. Оставлю перед вашим отцом – и там наши пути разойдутся.

Не понимаю, почему, услышав последние слова, я чувствую легкую грусть... Я знала, что мы разойдемся в разные стороны. Но за эти два дня я так привыкла к нему, что мысли о скором расставании пробуждают внутри непонятную глубокую тоску.

Я уже много лет ни к кому не была так привязана, как к этому юноше.

Протягиваю руку и осторожно цепляюсь за край его штанины. Поднимаю голову, чтобы увидеть лицо.

– Спасибо, – только и говорю я.

Я не буду просить его остаться рядом со мной. Я не имею права требовать чего-то большего. Я должна быть благодарна уже за то, что он решил сопровождать меня.

Некоторое время мы не двигаемся, молча глядя друг на друга. А затем Чэн присаживается на корточки и кладет мне на лицо ладонь:

– Если кто-то и достоин зваться Святой на этой проклятой земле, то это вы, Дэй’Аи.

– Почему ты так говоришь? – спрашиваю, выбитая из колеи его внезапным жестом.

– Потому что ваша сила спасла мне жизнь, – отвечает Чэн, а затем добавляет бесцветным голосом: – Пусть я и не был этого достоин.

– Что за глупости?! Как человек вообще может быть не достоин жить?! – Смотрю я на него во все глаза. Потом, опустив взгляд вслед за взглядом Чэна, смотрю на лезвие меча, виднеющееся из ножен.

Так вот зачем он до меня дотронулся. Хотел проверить?

Лезвие не светило, несмотря на прикосновение.

– Любопытно, как это работает, – с неприкрытым интересом произносит Чэн.

Отстраняю его ладонь, встаю и сухо отвечаю:

– Понятия не имею.

– Похоже, в тот раз вы сильно захотели спасти меня, кириса, – усмехнувшись, замечает мой страж и поднимается следом.

– С чего ты взял? – бросаю я, расправляя складки на одежде.

И с чего я вообще злюсь?

– Кажется, на вас мертвецы не реагируют: ни кошка, откопавшаяся во дворце, ни умертвия, бродившие по деревне.

– Странное заявление! – Иду вперед, желая сделать вид, что меня больше ничего не беспокоит. – Нас обоих окружили, и ты берешься утверждать, что целью был только ты один?

– Возможно, мой вывод поспешен, – кивает Чэн, подстраиваясь под мой шаг, – но его стоит проверить.

– Обязательно, как только найдем очередную деревеньку с восставшими мертвецами, – киваю в ответ с серьезным видом.

Мой страж хмыкает. Кажется, он действительно намерен проверять.

– К слову, о силе и возможностях, – демонстративно перевожу взгляд на его оружие. – Когда ты научился так орудовать мечом? Он же огромен! А по моим подсчетам ты пришел в летний дворец в пятнадцать лет...

– У меня была очень бурная молодость, – вновь усмехается Чэн. – А этот меч со мной едва ли не с рождения.

Так и вижу, как он играет с ним в полтора года, пока нянечка меняет его грязные пеленки.

– Твоя родня намного хуже моей, – заключаю я, покачав головой.

– Это так. Но я предлагаю отвлечься от наших славных детских воспоминаний: что бы там с нами ни происходило, я рад, что здесь и сейчас вы пришли в себя. – Совершенно другим голосом он добавляет: – А теперь давайте обсудим то, что произошло перед нашим побегом. В деревню приехала ваша сестра.

Глава 8. Время разобраться во всем... Или хотя бы попытаться

Я откликаюсь, глядя себе под ноги:

– Да. И она приехала с отрядом стражников.

– И у них была дощечка с проклятием.

– Они принесли ее с кладбища, – поправляю его я. Потом задумываюсь. – Но как они догадались искать ее там?

Неужели то, что мертвые поднимаются из-за проклятой вещицы, подкинутой со злым умыслом, настолько обыденно?

– Мне интересно другое: как они ее там нашли? Вся земля была перекопана ночью. Искать небольшой предмет на перерытом кладбище в свежезакопанных могилах – все равно что искать иголку в стоге сена, – замечает Чэн.

– Они ее чувствовали?

– Вы их с кем-то путаете. Это всего лишь стражники.

– Но тогда я не понимаю...

– А еще любопытно, откуда они узнали о покойниках в этой деревне. Довольно странно, что сама кириса вместе с целым отрядом приехала в такую дыру.

А губы все сильнее сжимаются: слишком много вопросов, ответ на которые способен сломить дух.

– Они знали, куда ехать, и знали, что искать...

– Я подумал о том же, – спокойно признается Чэн, прищурился глазами.

– Выходит... – Я сжимаю ладони в кулаки.

– Они проверяли на деревеньке силу этой вещицы. Староста вчера ночью рассказал, что они страдают от нашествия мертвых четвертый день.

– Подобные духовные практики запрещены законом. Если ты скажешь об этом хоть кому-нибудь...

– Я не дурак, кириса. И подкладывать голову под топор не планирую, – сухо усмехается Чэн.

– Правда? – скептически переспрашиваю я, припоминая его речь перед деревенскими.

А потом удивляюсь сама себе: и когда я стала такой колючкой? Раньше вроде за собой не замечала.

Кажется, я подхватываю все от своего спутника...

– Правда! – еще шире усмехается Чэн. – Деяния ваших сестриц – на их совести. И я не планирую выбегать в ближайшем городе на середину площади и кричать во все горло об их вине. Но нам нужно понимать, на что они способны, чтобы суметь предугадать их последующие шаги.

Предугадать...

Нахмурившись, пытаюсь понять, что за мысль маячит на периферии сознания. Чэн продолжает о чем-то говорить, но я полностью поглощена этим поиском.

Точно!

– Какой смысл предугадывать их шаги, когда мы сами как на ладони! – с облегчением выдаю я и оборачиваюсь к своему стражу. – Ты буквально сказал моим сестрам, что мы идем этим путем. И, даже если бы Руи не приехала в ту деревеньку, об этом бы обязательно узнали: ведь ты назвал жителям мое имя!

– Кириса, ваше имя я планирую называть везде, где вы объявитесь, – с ухмылкой отвечает Чэн.

– Но зачем?!

– Чтобы в свое время ваша слава сыграла нам на руку.

Подробностей мне ждать не стоит: я это вижу по его лицу.

– Но что насчет «идти лесной тропой, чтобы нас *не нашли*»? – припоминаю ему самую важную причину нашего скитания инкогнито.

– Сейчас им повезло: мы встретились случайно. Но вы переоцениваете скорость распространения информации из небольших поселений. Где-то через год до столицы, возможно, доберутся какие-то слухи о ваших невероятных деяниях, которые вы непременно свершите. Но не раньше. А мы с вами направляемся именно туда! В столицу. Но не прямой дорогой.

– А какой? – заподозрив худшее, уточняю я.

– Извилистой, – вновь избегая подробностей, отвечает Чэн. – Нам необходимо посетить много мест...

– Я правильно разобрала этот тонкий намек на то, что в столице мы будем где-то через год? – спрашиваю я, стараясь не показывать эмоций.

– Плюс-минус.

– Мне нужно добраться до родителей как можно быстрее. Решается вопрос моего возвращения во дворец.

Чэн поднимает бровь:

– Думаете, мать встанет на вашу сторону? Против всех остальных своих дочерей?

– Мы не знаем, сколько сестер в сговоре. Вполне возможно, всего две. А может, вообще одна Руи...

– Та сестра, что, явившись с конной стражей, позволила вам сбежать?

– Ладно, это странно, я согласна. Она сказала: «Беги!», и я побежала. – Осекаюсь, обхватив голову руками. – Но я уже не понимаю, кто друг, а кто враг!

– Очевидно, насколько бы Дэй'Руи ни была замешана во всей этой истории, убивать вас она не хотела, – с неожиданным спокойствием произносит Чэн, взглянув на небо.

– Ты уж определись: ты за моих сестер или против?! – раздраженно предлагаю я.

– Я за то, чтобы вы живой добрались до дворца правителя.

– Да что тебе с того? Почему именно туда?!

– Только там ваш отец сможет гарантировать вам абсолютную безопасность.

– Чэн, я должна добраться до дворца матери! – устало твержу я.

– Не очень разумно.

– Мы можем договориться, что ты просто доведешь меня до него?

– Можем. Но как ваш телохранитель я заявляю: вы совершаете ошибку.

– Как мой телохранитель ты пропустил приезд стражи сегодня утром! – не выдержав, бросаю я. – И присутствие умертвий ты не сразу почувствовал!

С чего он взял, что может распоряжаться моим временем? С чего решил, что может указывать, куда мне идти? И ладно бы сам идеально выполнял свои обязанности!..

– Я вообще не чувствую их, кириса. Это только ваша особенность, – внезапно признается Чэн.

– Что?..

– Я наблюдал за вами и заметил, что вы всегда чувствовали их приближение. Я бы тоже успел среагировать, но вы делали это на секунду раньше. А еще – вы не испытывали страха перед ними.

– Они пугали меня...

– Но не так, как должны были напугать молодую девушку, впервые увидевшую полуразвалившееся тело.

– Я не обращала на это внимания. – Хорошенько подумав, добавляю: – Сперва обратила, конечно, но больше всего меня привлекала эта черная воронка внутри их тел.

– Какая черная воронка?

– Ну... – Я черчу в воздухе спираль. – Такой поток темной энергии...

– Я не видел этого, – качает головой мой страж.

– Выходит, это только мне доступно...

Я задумываюсь еще больше.

– Вот и ответ: вы чувствуете энергию проклятия. Или духовную силу, работающую в темной сфере. Поэтому ваша реакция на подобные техники всегда будет лучше моей. А что касается прибытия стражников, то прошу прощения: ветер в это утро работал против меня.

Удивленно смотрю на парня. Точно. Сильный ветер уносил все звуки в сторону кладбища.

Выходит, я его обидела ни за что.

– Чэн, я...

– Все в порядке, кириса. Я буду больше практиковаться. За годы в летнем дворце подзабыл некоторые навыки, – потянувшись, беззаботно отвечает он.

Подзабыл?

Вспоминаю, как лихо он рубил мертвых.

Да я бы так не сказала...

– Думаю, через полчаса ходьбы нужно сделать привал. Вы еще не завтракали, и, кажется, гроза надвигается.

Он ускоряет шаг. Как могу поспеваю за ним.

– Чем будем завтракать? – спрашиваю ради порядка.

Ясно как день, что лепешками и мясом.

– У нас нынче зелень, сыр, балык, хлеб и даже масло.

– Откуда все это?!

– Я подумал, что вы должны попробовать хоть что-то со вчерашнего праздничного стола.

Поджимаю губы. И улыбаюсь едва заметно.

Он заботливый.

Пусть и хочет казаться надменным и язвительным.

А вообще – он украл еду у крестьян!

Спустя некоторое время я на всякий случай напоминаю:

– Чэн, мы должны дойти до дворца матери.

– Я вас слышал, кириса. Еще в первый раз. Мы дойдем до Города Среди Холмов. Но будьте готовы столкнуться с реальностью.

– С тем, что мать не примет меня? – устало предполагаю я.

– Нет, с реальностью положения дел в нашей стране. И во всех ее уголках, – отзывается Чэн странным голосом.

Сведя брови, пытаюсь понять, что он имеет в виду.

Но мне нужно было столкнуться с этим лицом к лицу, чтобы осознать всю картину происходящего в Поднебесных Землях.

Глава 9. Время проявить недовольство

Неделя пути. Неделя непрерывной ходьбы, коротких остановок на перекус и сна на земле. Чем глубже в лес мы уходим, тем холоднее вокруг, несмотря на палящее солнце днем. У меня уже вошло в привычку засыпать вплотную к костру, но однажды ночью Чэн едва успел спасти мое спящее тело от встречи с горячими углями – и расстояние пришлось увеличить. Хождение по лесу тоже дается мне непросто; особенно туго пришлось сегодня, когда до границы с городом остался буквально день.

– Мои ноги отказываются идти быстрее, – неохотно признаю я.

– Тогда нам придется и сегодня спать в лесу.

Прислонившись к стволу дерева, я киваю:

– Выходит, придется пожертвовать своей мечтой поспать на перине.

– На следующей неделе будет легче, – «успокаивает» меня Чэн, – вы привыкнете.

– Я все еще надеюсь провести следующую неделю частично в удобной коляске и частично – в летнем дворце.

Почему он так решительно настроен идти до столицы? Я в дне пути от дворца своей родной мамы!

– Даже если мать согласится вас выслушать, вряд ли вы так быстро отправитесь домой: необходимо будет начать расследование.

– «Согласится выслушать»? С чего бы ей не соглашаться меня выслушать?!

Да, я устала. И да, недоверие Чэна к моей родительнице меня раздражает. На этом фоне скрывать свое отношение к нему мне становится все сложнее.

– Простите, кириса, – легко соглашается страж, – я больше не позволю себе высказывать сомнение.

– Уж, пожалуйста! – перебиваю его, не желая слушать длинный и витиеватый ответ, больше похожий на издевку.

Наслушалась уже за неделю.

Хватит.

– Как скажете, – коротко и без эмоций отзывается Чэн и начинает готовить место для отдыха и ночлега.

Вкусная еда закончилась еще во второй день пути. Вкус воды надоел еще в первый день. Я даже втайне пожалела, что заснула в день празднования деревенских. Там наверняка было что попить, кроме воды и крепкого алкоголя. Что касается ходьбы... Возможно, это тревога перед встречей с мамой, но мое тело все больше напрягается, и чем ближе мы к Городу Среди Холмов, тем сложнее мне идти вперед.

Я помнила ее взгляд в тот день. Помнила, что она не пожелала даже пожалеть меня – ведь няня умерла почти на моих глазах! А мне было всего восемь лет! Но, нет, мать не посчитала меня достойной своего сочувствия. Должно быть, она решила, что я сама виновата в той смерти, и, конечно, была права: няню Жунг отхлестали розгами из-за меня...

Если вспоминать дальнейшие поездки во дворец матери, а это происходило буквально пару раз, то они давались мне проще. Потому что я приезжала в компании сестер, и мне выпадала едва ли пара взглядов.

А теперь я еду к ней, чтобы серьезно поговорить о заговоре в летнем дворце.

Не переоцениваю ли я себя?.. Бросаю взгляд на Чэна, поджигающего хворост, и беру себя в руки. Это он настраивает меня на провал. Он повторяет мне, что мы не должны идти в дом моей матери. Он сеет во мне эту неуверенность.

Закутываюсь в одеяло, присаживаясь у дерева, и откидываюсь спиной на широкий ствол. Каким бы ни был мой настрой, я обязана воспользоваться этим шансом: мать я хотя бы видела,

а отца вообще не помню. Я даже не узнаю его, если увижу. А сейчас есть возможность разобратсья во всем без героического похода в столицу – во дворец правителя!

Этот путь мне ближе...

Ночью сплю плохо. Постоянно мерзну и не могу справиться с сердечным ритмом, решившим добить меня перед важным мероприятием. Когда поднимаюсь утром, Чэн, несмотря на все свое самообладание, не успевает скрыть эмоций. Кажется, мое лицо вновь пугает окружающих – даже без «боевого» раскраса...

Встряхиваю головой и иду к холодному ручью умываться.

Пять часов ходьбы выводят нас на городскую окраину. Домики здесь совсем плохи, а люд – обозлен. На нас недобро косятся, поглядывая на меч, торчащий из-под плаща Чэна.

– Не замедляйте шаг, они планируют напасть на нас, – негромко предупреждает мой страж.

– Напасть? Но зачем?

– Вы не заметили, кириса? Им нечего есть. Земля здесь не такая плодородная, к тому же сказывается близость месторождения железной руды.

– Как это может влиять на положение крестьян?

– Добыча руды напрямую влияет на жизнь представителей всех сословий на близлежащих территориях. Но, даже если не брать этого в расчет, земля здесь плодоносит только раз в год. И весны в таких местах – самое голодное время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.